

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все примечания, комментарии и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

Pmp
1625

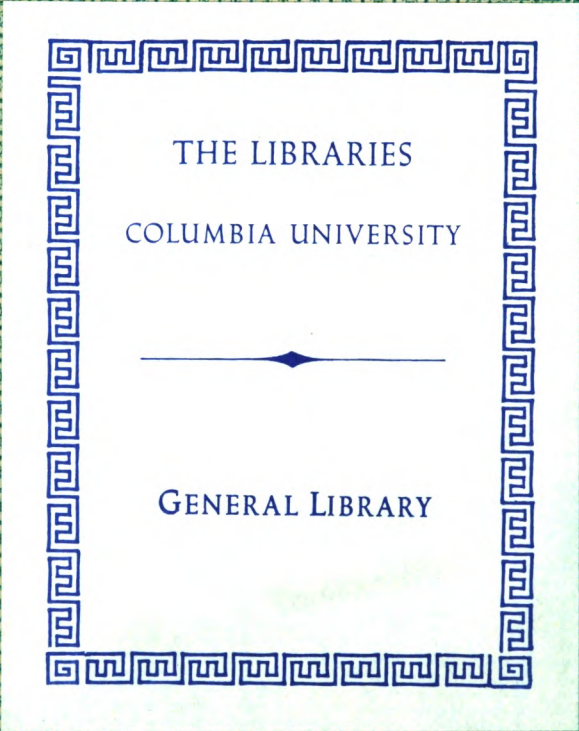
COLUMBIA LIBRARIES OFFSITE

1000150215

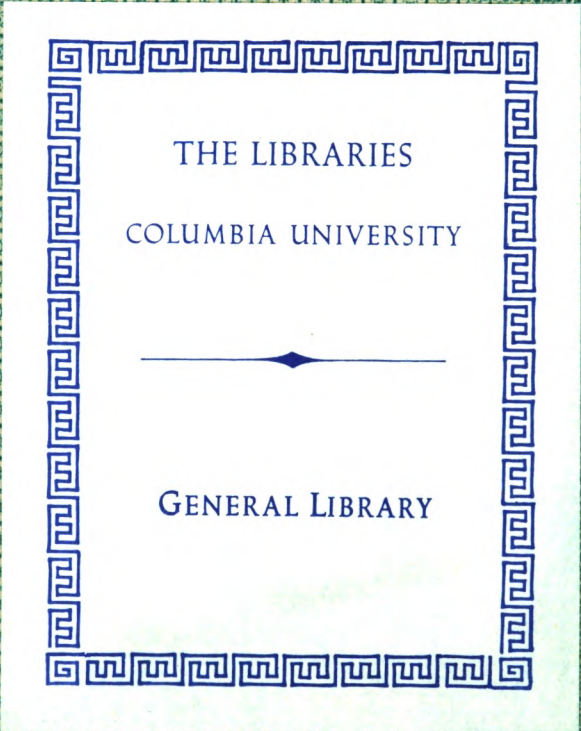
RECAP

PG
8018
B7

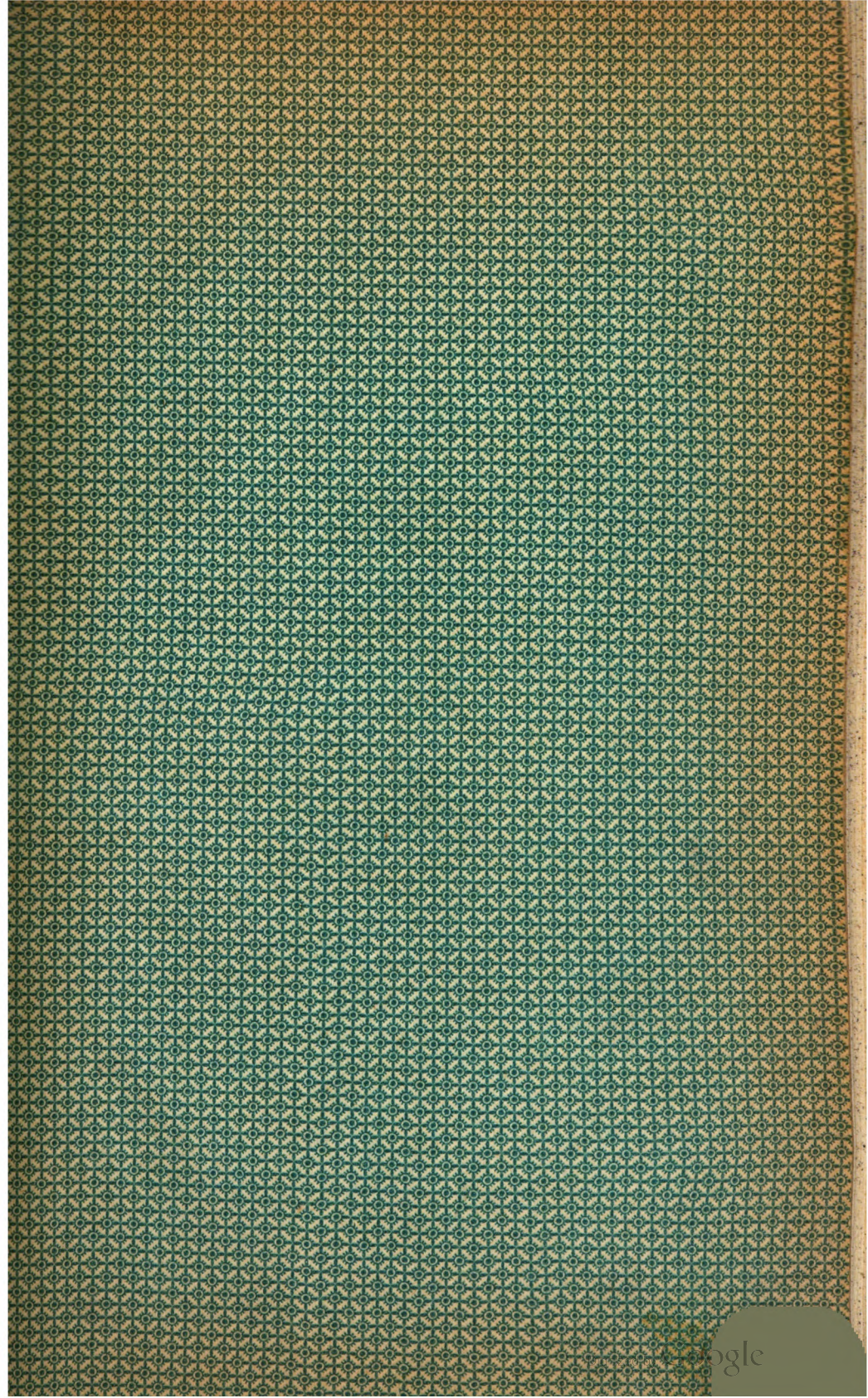
THE LIBRARIES
COLUMBIA UNIVERSITY

GENERAL LIBRARY

THE LIBRARIES
COLUMBIA UNIVERSITY

—◆—
GENERAL LIBRARY

№ 259
✓

~~ИИИ~~

П. Бракеттеймеръ.

УНИФОРМИРОВАНИЕ
ВЪ ЯЗЫКАХЪ ЛАТГО-СЛОПЕНСКОЙ СЕМЬИ
съ изслѣдованіемъ
УРАЛО-АЛТАЙСКИХЪ НАРѢЧІЙ.

Составлено по Ал. Фрихмеру — „Litau-Slavische Studien“ и докт. Авг. Алкхайма — „Forschungen auf dem Gebiete der Ural-altaischen Sprachen“

(236) 214
A. V. 21

ОДЕССА.

Центральная типо-литографія, уг. Авшинникова переулка и Почтовой ул., домъ Болгарева.

1893.

PG
8018
B7

ИНФОРМИРОВАНИЕ

ВЪВЕДЕНИЕ ИЛИ ВОЗВРАЩЕНИЕ

ПОДПИСЬ

ПОДПИСЬ

Дозволено цензурою. Одесса, февраля 15-го дня 1893 г.

А. С. С. С.

С. 88.

637502-81

Есть живѣйшій свидѣтель въ видѣ костей,
оружія и гробницъ — и это ихъ языкъ.

Я. Гриммъ.

Понимаемая въ широкомъ смыслѣ — исторія каждаго народа, заключая въ себѣ опытность міра и разумъ вѣковъ, представляетъ, по остроумному выраженію Сегюра д'Аргессо (Louis Philippe) апелляціонныя жалобы на современныя заблужденія, или ошибки, поданныя въ судъ потомства.

„Представляя лишь выраженное поступкомъ *)“, чуждая лирическаго начала, исторія спеціальнаго обсужденія жизнедѣятельности народа можетъ ли титуловаться свѣтлымъ послухомъ въ громоздкомъ архивѣ подернувшейся въ иноязычествѣ туманомъ дали? Всѣ исторіи общають намъ правду, и ни одна не передаетъ ея безъ искаженія. Лишь языкъ, справедливо замѣтилъ Моммсенъ, въ изображеніи извѣстной эпохи есть вѣрная картина: онъ одинъ можетъ быть признанъ за вѣрное орудіе обслѣдованія переворотовъ въ области нравственной и въ практическомъ мірѣ. По убѣжденію М. Миллера — отражать исторію культуры народа способны лишь языкъ его.

Строго-лингвистическимъ путемъ добытыя данныя переживаютъ сѣдину вѣковъ.

Прошлое финновъ, если вѣрить Тациту, не противорѣчитъ современному о нихъ представленію: старина ихъ сурова. Кастренъ учитъ, что они были бѣдны, питались охотой, жили въ палаткахъ, облачались въ кожи и т. п. Все это — особенности, которыя во времена Тацитовы, по всей вѣроятности, замѣчались и у нашихъ предковъ.

*) Ор. Миллеръ.

...
...
...

...
...
...

...
...
...

...
...
...

...
...
...

...
...
...

...
...
...

...
...
...

...
...
...

...
...
...

...
...
...

...
...
...

...
...
...

...
...
...

...
...
...

...
...
...

...
...
...

...
...
...

...
...
...

...
...
...

...
...
...

...
...
...

...
...
...

...
...
...

...
...
...

...
...
...

...
...
...

...
...
...

...
...
...

...
...
...

...
...
...

...
...
...

...
...
...

...
...
...

Извѣстность факта родства языковъ славянскаго и литовскаго установлена еще въ прошломъ столѣтїи*), хотя, болѣею частью, — изъ разсмотрѣнія коренныхъ словъ обоихъ языковъ, а не изъ грамматики ихъ. Нельзя не замѣтить, что это сходство — лишь кажущееся, не взирая на сродство звуковъ или значенія. Большинство литовскихъ словъ заимствовано изъ языка славянскаго**), что можетъ быть доказано географіею, страны и исторіею ея развитія. Не глухимъ послухомъ слухать въ данномъ дѣлѣ уже одно соседство съ славянами западными и русскими въ продолженіе цѣлыхъ вѣковъ — самое тѣсное; а отсюда:

а) взаимныя нападенія 1040 г., 1044 и др. на русскія границы***);

б) мирныя торговыя сношенія *вѣковыя* славянъ, собственно — русскихъ, и литовцевъ;

*) Такъ, особеннаго вниманія заслуживаетъ „Untersuchungen über die nordischen Völker“ — Thunmann'a, также, „Vie de Russie“ — Tooke, не говоря уже о Шафарикѣ: „Geschichte der slav. Sprache und Literatur“ Поттъ: „Etymolog-Forschung“, Крашевскомъ и др.

**) „Dzieje starożytne narodu Litewskiego“ — Narbutt'a. Ср. „Obraz Litwy pod względem jej cywilizacji“ — I. Яромевича.

***). До Азова въ 1396 г. при Ольгердѣ Гедиминичѣ: со смертью Ольгерда завоеванная земля переходила во владѣніе русскихъ.

- в) главенство русской церкви *); —
- г) вторжения на польскую территорию 1229... **);
- д) ежедневное общение чужеземцевъ съ туземцами: обоюдное заимствование.

Вліяніе стихій славянской сказалось не только на составѣ литовскаго языка, но и върваніяхъ, суевѣрныхъ примѣтахъ, въ обычаяхъ и нравахъ, а также — въ одеждѣ и въ способѣ питанія ***).

*) Ср. значеніе общности брачныхъ союзовъ и эмиграціи недовольныхъ политиковъ въ Россію. Успѣшное распространеніе русскимъ христіанства въ Литвѣ способствовало усиленному росту привилегированнаго положенія русскаго языка, а съ приобрѣтеніемъ правъ официальности утверждается перевѣсъ его надъ туземнымъ, или литовскимъ.

**) 1323 г. — при бракосочетаніи литовской принцессы Алдоны съ Казимиромъ польскимъ 24000 рабовъ отпущены изъ Польши въ отечество и поселены въ средній Литву. Общеніе пришлого элемента съ туземнымъ заставляло, естественно, послѣднихъ позаимствоваться изъ языка первыхъ. О соперничавшей судьбѣ славянскаго, на литовцевъ воздѣйствія, можно сказать, что русское вліяніе — до 1569 г., съ момента же окончательнаго соединенія Литвы и Польши перевѣсъ надъ русскимъ верховенствомъ переняло господство вліянія польскаго: въ 1525 г. въ Вильнѣ была русская типографія, но съ 1569 г. языкъ польскій сталъ языкомъ туземнымъ. Опасенъ предположительный взглядъ на литовцевъ, какъ на племя вымирающее: причина — польскій элементъ; въ деревняхъ, напр., говорятъ по-литовски и по-польски; школъ съ литовскимъ образованіемъ не было (только лат., нѣм., польск.): 1) Витольдъ хотѣлъ было поднять яз. литовскій, но крестоносцы воспротивились, 2) свидѣтели утверждаютъ, что въ литовскихъ проповѣдяхъ (въ Вильнѣ и др.) употреблялись слова польскія съ литовскими окончаніями, напр. — smūtnas — печальный; 6) искреннихъ и усердныхъ пособниковъ-рабѣтелей литовскій языкъ имѣлъ мало: первые труды Сирвида XVII и еп. Волончевскаго въ наше время не удержались изъ-за своей обособленности.

***). Ср. ограниченіе лишь т. указаніемъ, которому подвергся языкъ. При порабоженіи русскихъ племенъ литовскими — первыми были выше въ

Уже въ XVIII ст. считали общепризнаннымъ фактомъ, что литовскій и славянскій языки тѣсно связаны между собою. Но тогда выходили, большей частью, изъ разсмотрѣнія структуры словъ обоихъ языковъ. Дѣйствительно, сходство между словами коренными литовскаго и славянскаго языковъ гораздо очевиднѣе, нежели между ихъ грамматиками. Однако, если присмотрѣться внимательнѣе, нельзя не замѣтить, что это сходство отчасти только кажущееся — гласный законъ обращается въ мнимую величину; не трудно убѣдиться даже, что между литовскими и славянскими словами, схожими по звуку между собою и значенію, только вѣстная часть указываетъ на родство вокализации, между тѣмъ какъ другія къ такому заключенію не приводятъ. Они заимствованы литовскимъ языкомъ у славянскаго. Какъ и когда произошло это заимствование — изъ какихъ славянскихъ нарѣчій, угадать на это составляетъ задачу слѣдующихъ строкъ.

Всюду, гдѣ прекращается морское побережье, литовскій народъ примыкаетъ къ славянамъ, а именно — къ западнымъ славянамъ и къ русскимъ. Въ продолженіе цѣлаго ряда вѣковъ литовцы находились съ этими славянскими народами въ самомъ тѣсномъ соприкосновеніи. Сожительство порождено взаимныя нападенія и завоеванія, послужило кольцомъ

въ культурномъ отношеніи: потому, воздѣйствіе, естественно, оказывали „подневольные“ на покорителей. Сл. также примѣч. о разсмотрѣніи краткомъ, для разительнѣйшей наглядности, вліянія языка нѣмецкаго на литовскій — которое усматривается лишь съ 1500 г. — во вѣстоженіи прусскаго элемента: сильная разнообразность въ заимствованіи литовцами у нѣмцевъ; такъ, *blótas* — облатка и ин. др. о чемъ см. у Александра Брикнера, въ его „Litu-Slavische Studien“, въ предварительн. ст. и далѣе, равно и въ приведеніи примѣровъ въ этой книжкѣ.

торговых сношеній, обмена; сохладству же обязана Литовская страна и обращеніемъ въ христіанскую вѣру.

Въ первомъ нападеніи, о которомъ упоминаетъ и Лѣт. Несторъ, почиѣ принадлежитъ русскимъ: въ 1040 г. и 1044 выходятъ великій князь кіевскій, Ярославъ, противъ литовцевъ и принудилъ ихъ къ ежегодной дани. Съ этого времени и литовцы начали совершать свои набѣги, напаятъ, прежде всего на непосредственныхъ сосѣдей, кривичей, — белоруссовъ, бурно грабя ихъ имущество. Набѣги эти, начавшіе въ 1048 г. и повторялись въ 1063, 1070 и 1103. Въ 1181 г. кня. Мстиславъ, ворвався въ глубину Литвы, но этотъ опустошительный набѣгъ не оставилъ литовцевъ отъ новыхъ нападеній на Россію. Развѣ возбужденная жажда къ наживѣ могла находить удовлетвореніе только въ безпрестанныхъ индивидуальныхъ набѣгахъ. И действительно, мы находимъ литовцевъ въ 1140, 1163 и 1183, даже въ 1185 г. снова въ Русской землѣ, именно — подъ стѣнами Великаго-Новгорода.

Всѣ эти вторженія были кратковременны: продолжались нѣсколько недѣль. Но, не взирая на видимую краткосрочность, „варварскія знакомства“ въ исторіи славяно-литовской цивилизаціи приобрѣли гражданственную роль, съ одной стороны — подготавливая плодотворную почву для будущаго литовскаго государства, съ другой — все болѣе и болѣе заставляя литовцевъ знакомиться съ языкомъ славянскимъ и обычаями.

Въ правленіе князя Рингольда, по другимъ — Гернгольда, литовцы сильно укрѣпились въ Россіи.

Послѣ многихъ непродолжительныхъ опустошеній, имѣвшихъ мѣсто, по указаніямъ русскихъ летописцевъ, въ 1204, 1205... годахъ, Рингольдъ вторгся въ 1230*) г. въ сѣверную

*) Это вторженіе было повторено и въ 1234 г.

При его сынѣ-наслѣдникѣ, Гедиминѣ, владѣтельство литовцевъ на славянской землѣ увеличилось значительно, именно — въ 1320 г. Гедиминъ покорилъ Кіевское княжество и часть Сѣверскаго; мирнымъ путемъ перешла къ нему Волинь *); ему же присягнули въ вѣрности Псковское и Новгородское вѣна (республики?).

Наиболѣе расширилась литовская Русь при сынѣ и наслѣдникѣ Гедиминовомъ — Ольгердѣ. Въ концу его славнаго тридцати-двухъ лѣтняго влѣженія (**) Литвѣ принадлежали Волинь, Украина, Брянское княжество, все Сѣверская область, часть Подольской и Смоленской земли. Ольгердъ самовластно назначалъ князей въ Ржевѣ и Можайскѣ; Тверь была въ его зависимости; три раза ***) подходилъ онъ съ разбойничьими ордами своими къ стѣнамъ Москвы.

Его племянникъ и наслѣдникъ, Витольдъ, не только утвердилъ свою власть въ завоеванныхъ земляхъ, но и увеличилъ еще свое вліяніе походами на Москву, Великій Новгородъ и противъ татаръ ****).

Годъ 1490 можетъ считаться историческимъ закатомъ величества Литовскаго. Послѣ смерти Витольдовой (1430) литовцы не предпринимали болѣе завоевательныхъ походовъ на Русь; напротивъ, смежныя земли, пограничные пункты этой области, которая растянулась отъ Балтійскаго моря до Чернаго, отходили подъ все болѣе и болѣе усиливавшуюся власть Русскаго государства; такъ, потеряли литовцы Ржевъ и Великіе-Луки въ 1479, Сѣверскъ — въ 1490 г. и т. д.

*) Собственно — къ сыну его, Лрбарту.

**) Кн. 1345 — 1377.

***) Въ 1365 г., 1370 и 73.

****) Онъ перешелъ черезъ Донъ въ 1395 г.; въ 1396 г. подступалъ къ Азову, въ 1397 г. ходилъ близъ самой Волги.

Неработоспособны литовцами русскія племена стояли, при своемъ «покореніи», на гораздо высшей ступени культуры, нежели ихъ завоеватели. Послѣдовавшее въ 400-лѣтіе обращеніе въ христіанство и тѣсное общеніе съ византийской культурой усудили русскимъ превосходство надъ литовцами. Но, какъ случается часто, произошло здѣсь слѣдующее: побѣжденный сообщалъ покорившему свое умственное образованіе, жетераль самостоятельность и сдѣлался въ культурномъ отношеніи рабомъ поработившаго его народа.

Обиѣны и торговля происходили въ теченіе столѣтій мирнымъ путемъ между литовцами и русскимъ народомъ. Русская торговля, одна изъ самыхъ цвѣтущихъ въ средніе вѣка, распространилась и между литовцами, витѣвнивъ даже Ганзейскую. Такъ, мы видимъ въ частности, что новгородскіе торговцы, уже въ древнѣйшія времена содержали торговые дома въ литовскихъ городахъ — въ Вильнѣ, Коуниѣ, Велькомирѣ; въ самой Вильнѣ былъ еще второй торговый домъ, сгорѣвшій въ 1366 и вновь выстроенный въ 1375 году.

Русскіе торговые караваны ежегодно проѣзжали черезъ Литву, и здѣсь происходилъ обиѣнъ сырыхъ произведеній; такъ, цѣнныя мѣха, янтарь и медъ, воскъ и хлѣбъ и т.п. мѣнялись на металлическіе товары, соль и разнаго рода предметы роскоши...

Вслѣдствіе установившагося обиѣна въ непосредственныхъ торговыхъ сношеніяхъ, знакомство съ русскимъ языкомъ и обычаями должно было, естественно, все болѣе и болѣе распространяться между литовцами.

Такое вліяніе Русской земли укрѣпилось вскорѣ еще сильнѣе и потому, что русская церковь рано завоевала значительное положеніе въ Литвѣ. Большинство литовскихъ князей женились на русскихъ княжнахъ и иногда даже сами

крестились. Такъ поступили, напримеръ, дедъ сына Миндовга : Арвидъ *) и Падзивинъ, одинъ изъ внуковъ котораго былъ игуменомъ монастыря св. Маріи въ Новгородѣ. Три сына князя Тройда **) крестились по русскому обряду; тѣмъ же извѣстны и Война ***) и братъ Гедимины, полоцкій князь, сынъ Миндовга, Василько ****), сперва монахъ, затѣмъ вступившій на престолъ, успѣшно подвизаясь въ дѣлѣ распространенія христіанства въ Литвѣ. Успѣшному развитію Христова ученія не мало способствовали литовскія семейства, переселившіяся въ Россію вслѣдствіе политическихъ смутъ; въ 1265 г. эмигрировали изъ Литвы и крестились въ Псковѣ 800 литовскихъ семействъ, въ 1266 г. Довмуть — со свѣмъ домомъ своимъ, въ 1346 г. Ямуть и многіе другіе.

Вторая и третья жены Гедимины, Ольга и Ева, были русскія; Марія Витебская и Юліана (Юлиа) Тверская, вторая и третья жены сына его Ольгерда, были также русскія.

Эти княжны и многія другія приводили съ собой въ Литву весь свой дворъ, имѣли свои дворцовыя капеллы и т. д. При полнѣйшей вѣротерпимости литовцевъ, христіанство, по необходимости, имѣло многихъ послѣдователей, такъ что уже въ 1347 году воздвигается въ Вильнѣ церковь св. Николая. Великій князь Ольгердъ самъ основалъ нѣсколько церквей: до 1387 года, когда литовцы обратились въ католичество, уже половина жителей Вильны принадлежала Византійской церкви. Благодаря вѣроисповѣданію, русскій языкъ еще легче проникалъ въ Литву.

*) Называемый также Думунтомъ.

**) Умеръ 1283 г.

***). Известный поздѣе подъ именемъ Василия.

****). Vojaiek, или Wolseyuk; или Volseyuk.

Чужой языкъ вошелъ сперва лишь при дворахъ князей: оттуда проникалъ онъ въ первыя семьи страны, а потомъ сталъ тѣсниться и въ вышнѣе классы народа.

Съ тѣхъ поръ, какъ русскій языкъ сдѣлался придворнымъ и официальнымъ, перевѣсъ его надъ литовскою рѣчью былъ, такъ сказать, утвержденъ.

Однако славяне и литовцы сходились не только на русской почвѣ. Подобныя соприкосновенія имѣли также мѣсто въ Мадовѣ, Куяви, Добрынь и во многихъ другихъ польскихъ центрахъ. И земли эти грабили литовцы, какъ свидѣлствуютъ летописцы, въ 1229, 1246, 1264 и др. гг. Такъ, одинъ Миндовъ предпринималъ девять походовъ, послѣ каждаго изъ которыхъ уводилъ съ собою по нѣскольку тысячъ плѣнныхъ; число этихъ плѣнниковъ однажды *) простиралось до 20000.

Въ 1323 г., при бракосочетаніи литовской принцессы Алдоны съ Казимиромъ польскимъ, 24000 рабовъ были отпущены изъ Польши въ свое отечество. Такіе военнопленные, въ большинствѣ, водворялись въ самой серединѣ Литвы, и ежедневное общеніе этихъ чужеземцевъ съ туземцами приводило къ извѣстному уравнинію, вслѣдствіе котораго коренное населеніе заимствовало языкъ и обычаи у „посѣдковъ“.

Превосходство русскихъ въ Литвѣ продолжалось до 1569 года. Съ этого времени, т. е. со времени окончательнаго соединенія Литвы и Польши, польское вліяніе возымѣло перевѣсъ надъ русскимъ.

До этого времени (до 1569 г.) преимуществовалъ русскій языкъ: въ 1525 г. возникла въ Вильнѣ первая книгопечатня, въ которой печатались лишь русскія книги или церковно-

*) Въ 1323 г.

славянскія. Съ 1569 г. польскій языкъ сдѣлся языкомъ, общественнымъ, — туземной рѣчю.

Такъ работали непрерывно два славянскіе языка — русскій и польскій — къ уничтоженію языка литовскаго. И это имъ не удалось.

Ежели принять въ соображеніе то обстоятельство, что, по старымъ картамъ, границы литовскихъ владѣній широко простираются еще дальше, чѣмъ нынче, — что литовскій языкъ распространенъ исключительно въ низшихъ слояхъ и совершенно, можно сказать, исчезъ изъ городовъ, да прибавить еще къ тому фактъ замѣчаемаго систематическаго вымиранія его: нельзя не согласиться, что не далеко то время, когда оставшіеся полтора милліона сильныхъ нѣкогда литовцевъ скажутъ о себѣ то самое, что I. Parum Schultze и Henning возвѣстили въ свое время, о полабахъ. Къ тому же, не лишне обратить вниманіе и на то явленіе, что въ мѣстахъ, гдѣ нынче еще говорятъ по-литовски, относительно, мною есть такихъ деревень, въ которыхъ крестьяне понимаютъ польскую рѣчь и литовскую и говорятъ на этихъ двухъ языкахъ.

Понятно, какъ вредитъ такое смѣшеніе сохраненію въ чистотѣ „оставшихся остатковъ“ языка.

Впрочемъ, что могло помѣшать такому постепенному вымиранію (уничтоженію?) языка?

Школы, гдѣ бы учили литовскому языку, не было; въ нихъ учили только польскому да латинскому, иногда — нѣмецкому. Никто не предоставлялъ литовцамъ заботы о сохраненіи своего языка, какъ это было у латышей, *) у которыхъ Рижскій епископъ Hennig von Scharfenberg съ 1424 г. ревностно слѣдилъ за тѣмъ, чтобы поставляемые священники владѣли латышскимъ языкомъ. Уже съ 1631 г.

*) О соотношеніи лз. собственно-литовск. къ латышск. см. т. Пр.

въ основанной Густавомъ Адольфомъ Рижской гимназии преподавался латышскій языкъ. Тамъ не многіе священники, которые говорили по-литовски, считали этотъ языкъ злокозненнымъ измышленіемъ, лукавой выдумкой діавола, въ особенности — въ болѣе раннія времена. И, когда герцогъ Витольдъ пожелалъ поднять литовскій языкъ, крестоносцы, которымъ онъ, къ несчастію, сообщилъ свое намѣреніе, надо отвѣтствовали, увѣряя его, что это послужитъ возвращенію къ язычеству. Ужаснувшійся Витольдъ отказался отъ своего намѣренія и забросилъ славный планъ. Такимъ образомъ, пада послѣдняя подпора, способная охранять историческія судьбы литовскаго языка, или народа.

Свидѣтели утверждаютъ, что литовскія проповѣди, произносившіяся польскими священниками въ Вильнѣ и въ другихъ мѣстахъ, состояли, въ большинствѣ случаевъ, изъ польскихъ словъ съ литовскими окончаніями. И отъ этихъ-то проповѣдей произошли безчисленныя литовскія слова, означающія отвлеченныя понятія. Такъ, напр., *skaitnas* — печальный, *sraikailius* — спокойный, *snatlivus* — добродѣтельный, *raikagnus* — смиренный, *pišnus* — гордый, *paslišnus* — усердный, *svaigus* — грозный и т. п.

Искреннихъ и усердныхъ пособниковъ, поборниковъ литовскій языкъ имѣлъ мало.

Первые труды какого-то Сирвида въ началѣ XVII ст., и епископа Воюдсеускаго до нашего времени не удержались, именно — вслѣдствіе своей обособленности.

Столькими-то способами вторгались славянскіе элементы въ литовскій языкъ.

Дворъ, школа, торговля все глубже способствовали ломкѣ, ослабленію литовскаго языка, о сохраненіи котораго, какъ видно, мало кто и заботился.

Примеры, подтверждающие истинность выводимаго положения, свидетельствуют въ пользу сего, темъ и очевидное значеніе вліянія славяненара. Это вліяніе мы можемъ усмотрѣть всюду: оно проникаетъ не только въ языкъ, чего мы не находимъ, и не въ малой мѣрѣ, въ вѣрованіяхъ и суевѣріяхъ въ бытѣ и нравахъ; оно глубоко кобнулось въ одежду и способъ питанія. Однако всего этого мы не имѣли касаться. Наша задача ограничивается указаніемъ на то лишь вліяніе, которому подвергся языкъ.

При этомъ, чтобы не допустить никакого сомнѣнія относительно того, какъ проникъ славянский элементъ въ литовскую рѣчь, рассмотримъ вкратцѣ, какое оказалъ вліяніе на литовскій словарь языкъ нѣмецкій.

Нѣмецкій элементъ оказываетъ вліяніе на Литву только съ 1500 г., когда исчезла прусская стихія, служившая какъ бы барьеромъ. И, темъ не менѣе, какъ заимствованія литовскаго изъ нѣмецкаго уже разнообразны, достаточно рассмотреть слѣдующую группочку словъ: *ablōtas* (также *ollōtas*) — облатка, *akas* — кирка, *aktitas* — рекрутъ, *akseins* — соломорѣзка, *almōnas* (*hofman*) — придворный, *almusas* и *alimūsupa* (*almosin*) — милостыня, *anusas* (*hans*) — безпечный человекъ, *abgna* (*abginn*) — клеть и пр.

Если, такимъ образомъ, нѣмецкій языкъ, въ продолженіе трехъ лишь столѣтій столь глубоко успѣлъ проникнуть въ литовскую туземную рѣчь, наводнить ея лексиконъ иноземными реченіями, то какъ сильно, слѣдовательно, должно было быть дѣйствіе славянской силы, вліяніе которой началось четырьмя столѣтіями раньше!*)

*) Хоръ славянской колонизаціи литовскихъ областей древнѣйшей поры, вѣроятно, состоялъ въ тѣсной зависимости относительно религіозныхъ движеній, по необходимости племенной, воспринимавъ тотъ бытъ, тотъ языкъ,

Переходя къ указательной части изложения, необходимо, кажется, начертать и ходъ развитія суждений.

Искусство славянизма въ йешаіісеһ'і и въ древнійшемъ письменномъ языкѣ.

Славянизма въ памятникахъ, діалектахъ.

Явленіе славянизма въ прусско-литовскомъ языкѣ пруссовъ: необходимость имѣнія изложения латинскихъ различныхъ отдѣльныхъ нарѣчій доводы Нессельмана, (несовъ).

Ограниченіе вліянія славянскаго на литовскій народъ: вопросы: „какія нарѣчія *преимущественно* принимали на литовскій языкъ и въ какой степени каждый изъ воздѣйствовавшихъ элементовъ принималъ въ этомъ участіе?“

Относительная сила вліянія славянонаго элемента на литовскій—а) со стороны белорусовъ, б) малорусовъ и в) поляковъ.

Разборъ заимствованныхъ литовцами словъ — *iskala, iskada...*

преобразовательныхъ идей западныхъ, если не естественныхъ, подвизающа, фактъ, свидѣтельствующій, что, bona кезидерализма суждений, реформаторовъ въ просвѣщенной части Европы продолжали считаться неприменимою, меттою въ Чехіи слова англичанина Виклефа, отвергавшаго авторитетъ папы, требовавшаго согласованія существующей церкви съ коренными началами христіанства; ищившихъ голоса народники, або адъва, ая Чехіи, гдѣ почва была готова, живое броженіе, иранило, обрѣзы, жской церкви и ожидало сознательнаго выраженія, уже до появленія сочиненій англійскаго ученаго, проповѣдника чешскіе, увлекавшіе за собою народъ цѣлыми толпами, высказывали мысли, отрицавшія самыя начала католицизма; такъ, задолго до появленія Гуса, род. 1369, вѣтиски, дивчелитѣльными учениями въ данномъ смыслѣ Милитъ — изъ Кромърижа, ум. 1374 г., и ученикъ его Матвѣй — изъ Лнова: Милитъ Кромърижскій замѣчательнѣе, еще, между прочимъ, и тѣмъ, что онъ сталъ проповѣдывать по-чешски, тогда какъ до него проповѣдники, рассчитывавшіе на успѣхъ въ Чехіи, говорили, обмѣловеніе, словъ, по-вѣдѣнн.

Ср. роль завоевательныхъ стремленій Австріи — носительницы нѣмецкой образованности, для г. и, *deutsche Culturträgerin* на Востокъ: А. Гильфердингъ, II, 258 и слѣд.; см. тамъ же IV, 247—461.

Пробный камень рѣшенія происхожденія извѣстнаго слова въ литовскомъ языкѣ (есть ли данное слово славяно-литовскаго происхожденія или оно заимствовано) — приложимость или несоответствіе языку литовскому звуковъ: „с“, „ch“, „f“, „z“.

Общепризнаніе въ послѣднемъ „с“ и „f“ и ограниченіе относительно „с“ и „z“.

Подведеніе извѣстныхъ (возможныхъ) рубрикъ въ дѣлѣ опредѣленія признаковъ, отличающихъ коренное, самостоятельное значеніе слова или его заимствованія.

Обзоръ въ области фонологіи: *zai* („za“, „zu“, „e“); *u* („i“), „i“ — мягкое; *sl* „ā“ (= „ē“) — въ лит. „ā“ (= „o“); явленіе „u“ или „e“, „e“, „je“ — эм. гласн. + носовой.

Недостаточность основанія Бродовскаго: „й“ эм. „g“ въ словахъ, подобныхъ — *vaizuo*.

Гипотеза вѣрнаго расчлененія, при пользованіи удареніемъ, литовскихъ словъ — своихъ и заимствованныхъ.

Служебная роль суффиксовъ въ дѣлѣ опредѣленія заимствования.

Сигнификація или значеніе предлоговъ — въ сложныхъ словахъ и пр.

Обращеніе литовскаго языка съ несвойственными ему звуками: 1) „с“, 2) „f“, 3) „h“, 4) „ch“, 5) „z“.

Звукъ „o“ бѣлоруссовъ, малоруссовъ, поляковъ и „a“ литовцевъ (мнѣніе Шмидта): его діалектическія колебанія — ū, u.

Славянское „y“ и литовское „ui“.

Трудность обследованія звука „e“; причины:

1) сбивчивость передачи и

2) безразличіе „ie“ и „e“.

Характеръ измѣненія — „a“ и „e“.

Носовые звуки.

Полногласіе.

Вставочные звуки — „e“ и „o“.

Приставка и вставка гласныхъ.

Количество (долгота и краткость) гласныхъ.

Разсмотрѣніе согласныхъ —

а) гортанныхъ: переходъ звуковъ „g“ и „j“ (*gabartai* и *javartai*),

2) замѣна „e“ на „k“ (противъ обыкновеннаго перехода „c“ въ „tj“);

б) губныхъ „b“ и „v“: законная — въ силу родственности — замѣна одного другимъ (*balbe* и *balvius*),

2) выпаденіе „v“ (*lekārsta* и *lekarstva*);

3) рѣдко встрѣчающееся явленіе — замѣна „m“ черезъ „b“ grabnīcē, вмѣсто польск. — gronnica);

а) замѣстительство „m“ черезъ „v“ (šīrmas и šīrvas),

б) болѣе частая замѣна „m“ и „n“ (gramdau и grandau);

в) плавныхъ — „r“ и „l“: простая замѣна (grumtas и рядомъ — glumtas);

г) шипящихъ: различныя измѣненія — „s“ и „š“, „z“ и „ž“, „s“ и „z“, „z“ и „ž“; сллабическое „s“ и аффрикатное „č“, „s“ и „c“.

Переходъ согласныхъ: замѣна tenuis и media.

Переходъ и перестановка.

Приставка и вставка согласныхъ.

Мѣсто для „j“: въ производныхъ нѣмецкихъ словахъ и чаще послѣ „r“ и „l“ — передъ гласными.

Отпаденіе и выпаденіе отдѣльных буквъ и слоговъ: объясненіе Витнея.

Метатезисъ, или перестановка.

Удареніе.

Родъ и число заимствуемыхъ словъ.

Предлоги.

Заключеніе.

Отдѣльные памятники и діалекты довольно расходятся касательно содержанія въ нихъ славянской стихіи; žemaitische, напротивъ, равно и древнѣйшій письменный языкъ, въ противоположность прусско-литовскому и также новѣйшему письменному языку, въ особенности изобилуютъ славянизмами; прусско-литовскій, равно и производный отъ него новѣйшій письменный языкъ ограждены отъ вліянія славянскаго элемента žemaitisch'a, отъ котораго произошла древняя письменность; зато въ žemaitisch'ѣ мы находимъ много славянизмовъ, прусско-литовскій же содержитъ либо чисто литовскія слова, либо отдаетъ германизмовъ.

Относительно письменныхъ памятниковъ XVI и XVII ст. должно замѣтить, что здѣсь приходится имѣть дѣло съ христіанствомъ, или, точнѣе — съ началомъ христіанства, и что, потому, тѣ, которые писали тогда по-литовски, вводили,

незамѣтнымъ образомъ, и славянизмы, не будучи въ состояніи окинуть взоромъ всѣ богатства того языка, который, преимущественно, не былъ ихъ родною рѣчью. Это замѣчается, въ особенности, относительно двухъ самыхъ древнихъ памятниковъ — катехизиса 1547 и *Forma Chrikstima* 1559 г.

И издатель ихъ, *Mažvydas* (*Mosvidus*), употребляють много славянизмовъ, не извѣстныхъ въ нынѣшнемъ письменномъ языкѣ, какъ, напримѣръ: *aravena*, *arpsvišči*, *dachadas* и т. п. Гораздо большее количество славянизмовъ изображаютъ новѣйшую *žemaitich* ную письменность, преимущественно — религиознаго содержания; уже одни заглавия переполнены ими; напримѣръ: *brota atvėrta ing vėscnast* и пр.

Но не только въ обоихъ коренныхъ диалектахъ, иди нарѣчіяхъ видимъ мы славянизмы: они встрѣчаются, кромѣ явленія перѣдвѣга въ прусско-литовскомъ и въ прусскомъ, также и въ другихъ мѣстныхъ говорахъ. Однако, чтобы вполне уяснить себѣ этотъ вопросъ, нужно необходимо имѣть изложеніе лексическихъ различій отдѣльныхъ нарѣчій. Теперь позволительно удовольствоваться нѣкоторыми доводами Нессельмана: изъ его объясненій вытекаетъ, что заимствованное, напримѣръ, изъ славянскаго слово — „*pīškos*“ — „песокъ“ и литовское — „*smiltis*“ — „песокъ“, каковое слово раньше было въ общемъ употребленіи, теперь встрѣчается лишь въ сѣверу отъ Мемельштрома и т. п.

Многое можно сказать касательно вліянія славянскаго на литовскій языкъ. Намъ же надлежитъ нынче первѣ всего рѣшить вопросъ: какия именно нарѣчія, попреимуществу, повдѣляли на литовскій складъ слововыраженія, и въ какой степени каждое изъ этихъ нарѣчій принимало въ лексической домѣтъ участіе? Очевидно, что литовцы наиболѣе позаимствовались у славянъ, съ которыми приходилось имъ жить въ самомъ

тѣсномъ и продолжительномъ союзѣ, именно — у бѣлоруссовъ, которыхъ и должно, значить, поставить на первомъ мѣстѣ относительно заимствованій, — на второмъ планѣ стоятъ малоруссы, а затѣмъ, на третьемъ — поляки. Съ малоруссами неоднократно соприкасались литовцы, сперва — вслѣдствіе завоеваній въ Малороссіи, именно — въ Волыни, въ Подоліи и т. д., затѣмъ — въ силу продолжительныхъ сношеній ихъ съ Кіевомъ, такъ какъ училища этого города еще до XVII или XVIII ст. охотно посѣщались литовцами.

Вліяніе Польши, въ извѣстномъ смыслѣ, имѣетъ большее значеніе: сначала ополчилось высшее литовское сословіе, а затѣмъ — и города.

Великорусскій элементъ до послѣдней поры не имѣлъ никакого вліянія на литовскій языкъ; лишь теперь, къ патристической гордости нашей, въ силу доброславнаго измѣненія политическихъ условій, проникаютъ нѣкоторые великорусскія слова въ литовскій языкъ: нѣкоторые изъ нихъ въ настоящее время уже пронесены стараніями Сирвида въ литовскіе словари.

Можно привести здѣсь небольшой разборъ, по которому, относительно, легко рѣшить, заимствовано ли то или иное литовское слово изъ мало- или бѣлорусскаго словаря.

Литовское слово — *iškala* (школа, училище), *izbõnas* (кружка), *iškada* (вредъ), *išdvoditi* (измѣнять) и др., соотвѣтствующія польскимъ словамъ: *skoła* *), *dzban*, *škoda*, *zradzić*, свидѣтельствуютъ о своемъ заимствованіи лишь изъ малорусскаго или изъ бѣлорусскаго, на что указываетъ чуждое языку польскому „i“.

Точно также соотвѣтствуетъ звукъ — „e“ въ литовскихъ словахъ: *tiesàs* (время), *šerõi* (чары), *šernas* (черный) и т. п.

*) П. ф. *szkoła*. См. примѣч. стр. 9.

сл. малороссійскимъ: *bes*, *beņu* и т. д., а не польскому „а“ — въ словахъ: *śas*, *śaęu*, *śaęu*, *żart*, и пр. т. п.

Иногда встрѣчаются два литовскія слова — одного значенія и нѣсколько различныхъ по формѣ: одно, изъ польскаго из. заимствованное, другое — изъ бѣло- или малорусскаго. Такъ, напримѣръ, литовское — *špoda* (мечъ), очевидно, взято изъ польскаго — *szpada*, *špogaz* же (также — мечъ) заимствовано изъ малорусскаго лексикона — *браха* и т. п.

Представляется вопросъ: какъ можно вообще узнать, есть ли то или другое слово славяно-литовскаго происхожденія, или же оно заимствовано? Для этого можно лишь предложить слѣдующую руководящую нить: какъ только какое-нибудь литовское слово не соответствуетъ литовскимъ звукамъ — оно заимствовано.

Литовскому языку чужды звуки — „с“, „ch“, „f“, „z“: и, значитъ, если въ словѣ литовскомъ находится одинъ изъ этихъ звуковъ, это присутствіе доказываетъ, что слово, несомнѣнно, заимствовано.

Въ этомъ общемъ положеніи рѣчь идетъ лишь о звукахъ — собственно „ch“ и „f“; относительно же „с“ и „z“ нужно замѣтить слѣдующее: „с“ не совершенно не знакомо литовцамъ, — оно встрѣчается и въ опматороеен'ѣ: *sipti*, *sicripti* — пищать, *sugulys* — жаворонокъ, *kiuse* — корзина, и т. п. Относительно „z“ Шлейхеръ говоритъ: „*z*“ — изъ „*dz*“ — звукъ, совершенно чуждый литовцамъ, встрѣчающійся лишь въ производныхъ словахъ». Нужно, однако, замѣтить, что есть многія литовскія слова съ звукомъ „z“, заимствование которыхъ не доказано; такъ: *amazni* — уколъ *Bd.*, *atrzaiža* — *flickivand Bd.*, *biza* — коса, *izdas* — сокровище, *kozas* — свадьба и др. Тамъ, гдѣ встрѣчается „z“, соответственное слово — либо латышское, или же существуетъ параллельно со словами

съ „с“, имѣсто — „z“: *masūmkas* и *mazūmkas*, равно и съ „s“ — *plursiti* и *plaziti*, также — съ „š“ и съ „ž“. «Только въ словахъ, заимствованныхъ изъ языка славянскаго, литовское „k“ соответствуетъ славянской фонемѣ — „ch“, первоначально — „s“, но безосновательно замѣняетъ Шлейхеръ. Литовцы замѣняютъ чуждый имъ славянский звукъ „ch“ посредствомъ „k“; если же славянское „ch“ переходитъ въ древнее „s“ — это вѣрный знакъ заимствованія, ибо первоначальное „s“ пребываетъ неизмѣннымъ въ литовскомъ или переходитъ въ „š“; когда же славянское „ch“ непосредственно или черезъ средний звукъ — „s“ — переходитъ въ „k“, то вопросъ, въ такомъ случаѣ, бываетъ, обыкновенно, трудно рѣшить, ибо литовскій звукъ „k“ можетъ быть, и съ большимъ вѣроятіемъ, относимъ къ первоначальному „k“.

San встрѣчается у нѣмѣшнихъ славиновъ въ началѣ словъ — въ видѣ зв. „s“: если въ литовскомъ соответствуетъ такое же „s“, тогда это — явный признакъ заимствованія, такъ какъ въ чисто-литовскихъ словахъ остается звукъ „saп“; напр., *sankalai* — перекладины, задвижки, также — „sa“ или „su“, напр. *sazragà* и *zusparà* — уголь. Поэтому, напримѣръ, *smėĩtis* (смерть) — должно быть заимствовано изъ велико- или малорусскаго — *smertʹ*.

Литовское „у“ есть не что иное, какъ растяженіе зв. „i“; славянское „у“, близко подходящее по звуку къ разбираемому литовскому, никогда не замѣняетъ „i“. Поэтому, если въ одномъ и томъ же словѣ скрывается литовское и славянское „у“, — усматривается явный признакъ несомнѣннаго заимствованія.

Склонность древняя бѣлорусскаго и малорусскаго, равно и великорусскаго яз. вставлять, ради болѣе легкаго произношенія, мягкое „l“ — между губнымъ звукомъ и мягкимъ

гласнымъ—совершенно чужда литовскому: и, поэтому, явление вставки „l“ *epentheticum*’а въ словахъ литовскаго языка—признакъ заимствованія; такъ, напримѣръ, литовское слово *bliūdas* есть заимствованное изъ русскаго — *bljudo* (блюдо).

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ славянское „ѣ“ есть результатъ перехода изъ славянскаго же „ѧ“, или, иначе—славянское ѧ въ нѣкоторыхъ, и не рѣдкихъ, случаяхъ переходить въ „ѣ“; въ литовскомъ же яз. соотвѣтственные слова, въ большинствѣ случаевъ, измѣняютъ это „ѧ“ въ „о“, что служитъ яснымъ доказательствомъ незаимствованія; напримѣръ, славянское *гѣра* (рѣпа) — литовское *гѣре* (*garus*? *галѣс*), *гѣра*, *гуоба*’.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ литовскомъ языкѣ услѣдить можно бываетъ тотъ же переходъ; напримѣръ — *viēga* (вѣра), очевидно — изъ бѣлорусскаго: *vēga*.

Въ большинствѣ случаевъ литовскимъ словамъ привычно содержать гласный звукъ съ носовымъ; поэтому, если, вмѣсто таковыхъ звуковъ, встрѣчаются гл.—„u“ или „è“, „ē“, „jè“, на подобное слово можно смотрѣть, какъ на позаимствованное изъ русскаго: ибо не подлежитъ сомнѣнiю, что русскiе діалекты замѣняютъ древнее „ѧ“ чрезъ „u“, „е“ — чрезъ „ja“; такъ, напр., литовское — *sūdas*, соотвѣтствующее польскому — *śad*, заимствовано изъ русскаго — *sud* (судъ). Однако, нужно замѣтить, это, къ сожалѣнiю, не всегда служитъ вѣрнымъ признакомъ дѣйствительнаго заимствованiя.

Слова *bažnyčė* — церковь, *žuvatas* — тѣло, *žuvnastis* — пища и др., по Бродовскому *) — заимствованныя, на что указываетъ ихъ „ž“. Дѣйствительно, если бъ они были чисто-литовскiя слова, то писались бы чрезъ „g“. Но и это опять — не совсѣмъ надежный критерiй.

*) Словарь.

Служить ли удареніе вѣрнымъ признакомъ заимствованія? И на это отвѣтить положительно нѣтъ возможности *). Вообще нужно согласиться, кажется, что удареніе производныхъ литовскихъ словъ вполне соответствуетъ ударенію тѣхъ словъ, которыя стоятъ къ нимъ въ отношеніи коренномъ: это легко достигается — при подвижности литовскаго языка. Можно привести здѣсь нѣсколько примѣровъ этой подвижности. Въ то время какъ коренныя литовскія слова, какъ-то: *klastórius* — обманщикъ, *sarpiógius* — мечтатель и др. имѣютъ удареніе на суффиксѣ — „о“, производныя: *špogiús* — лодочникъ, *šipcoriús* — хозяинъ и пр. имѣютъ удареніе на коренномъ слогѣ — соответственно съ тѣми словами, отъ которыхъ они произошли, — нѣм. *Schiffer*, польск. *šynkar* **) и т. п.

Суффиксы тоже лишь въ немногихъ случаяхъ служатъ безповоротнымъ рѣшеніемъ заимствованія. Такимъ образомъ, напримѣръ, слова: *kvikšcionis*, *miešcionis* заимствованы изъ польскихъ словъ — *chrześcijan*, *mieścan*, такъ какъ подобнаго суффикса въ литовскомъ языкѣ не существуетъ.

Яснымъ признакомъ заимствованія служить тотъ случай, когда литовское слово — сложное и включаетъ не-литовскій предлогъ; такъ, напр., *gaspustas* (гордость) слѣдуетъ считать заимствованнымъ изъ языка польскаго; ибо это слово состоитъ изъ не-литовскаго предлога „*gaz*“ и $\sqrt{\text{pus}}$.

Какъ скоро какое-нибудь слово обще литовскому яз. и славянскому и въ то же время не встрѣчается въ латышскомъ, это — признакъ незаимствованія. То же нужно замѣтить и о случаѣ, когда какое-нибудь слово встрѣчается лишь въ яз. латышскомъ либо въ древне-прусскомъ, или въ славянскомъ.

*) Относительно этого вопроса источники пользованія оказываются недостаточными: *Nesselmann*, *Geitber* и *žemaitische Schriften* я. небрежно обозначаютъ удареніе.

**) Пя. ф. *szynkarz*. Ср. примѣч. стр. 21.

Другія же слова, хотя они одинаково встрѣчаются во всѣхъ трехъ нарѣчіяхъ балтійскихъ, могутъ быть разсматриваемы, какъ заимствованныя.

Въ случаѣ, когда, какъ это часто бываетъ, звуковыя литовскіе законы ничего намъ не говорятъ, нужно обратиться къ исторіи культуры, которая не слабымъ иногда можетъ служить доказательствомъ въ дѣлѣ заимствований.

Извѣстно, что, на примѣръ, слова: *tyvun*, *krivulja*, *kupalo* суть славянскія, и что, на примѣръ, — *hetman*, *jaunik* и т. п. служатъ означеніемъ польскихъ должностей; отсюда ясно, что литовскія слова: *tivunas*, *krivulė*, *etmonas* — заимствованныя. То же относится и къ названію очень многихъ культурныхъ растений, какъ, на примѣръ, литовск. сл.: *grīkai* — гречиха, котораго происхожденіе очевидно изъ *mažur* слова: *gruka*.

Нельзя не замѣтить, хотя бы и при бѣгломъ обзорѣ законовъ фонологическихъ, что литовскому языку почти совершенно чужды звуки — „с“, „ц“, „ш“, „щ“, „з“; если же въ заимствованномъ словѣ встрѣчается одинъ изъ этихъ звуковъ, литовецъ обращается съ нимъ не одинакимъ образомъ: либо „с“ сохраняется, какъ, на примѣръ, *cecelė*, *cėsonius* и т. д., либо „с“ измѣняется — а) въ „с“: *cėlas*, *cinė* и пр., — б) въ „з“ *švičiti*, — в) въ „т“: *tvičiti*, — г) въ „s“: *sviklas* *).

Въ области гласныхъ звуковъ — усматривается замѣна „а“ звукомъ „о“. Является вопросъ: правдоподобно ли, чтобы литовскій языкъ, у котораго были въ распоряженіи „ā“ и „a“ — для передачи славянскаго „а“, прибѣгалъ всегда къ длинному „о“? Приводить примѣры такой перемѣны звуковъ, вслѣдствіе ихъ многочисленности, было бы лишне.

*) Sb. „с“ встрѣчается вм. „с“, равно и „š“ — вм. „s“: *ėmonas* вм. *smonas* и мн. др. т. п.

Славянскіе зв.— „ja“, „je“—соотвѣтствуютъ то литовскимъ „ja“, „je“, то— „ė“; напр.— arėka, bieda, kalėdo, vėža и пр.,

Особеннаго вниманія заслуживаютъ измѣненія звуковъ „ā“ и „e“. Такъ, „ā“ замѣняетъ славянское „e“; напримѣръ— bartāsus, čeraslas, graikas, tašlas, žardas, и т. д.; „e“— вмѣсто славянскаго „a“: bulverkas, emalkas, katenka, kerbas, kertokas, пореєkas и мн. др. Звукъ „e“ замѣняетъ „i“, можетъ быть, только въ словѣ— peranka: литовское „i“, вмѣсто славянскаго „e“, встрѣчается чаще— šislas, bavilma, stipinas, šilkaі и мн. др.

Носовые звуки, свойственные нынѣ польскому языку, въ литовскомъ удерживаются; такъ, напр.— gansotus, gamstus, mentals. Иногда „a“ (an) замѣняется посредствомъ „u“—подъ вліяніемъ носоваго звука: munka, vunditi.

И, такъ называемыя, полныя гласныя формы, составляющія особенность исконную языка русскаго, удерживаются въ литовскомъ; значить, бѣлорусское, малорусское и великорусское „оло“, „оро“, „еле“, „ере“ получаютъ видъ— „ala“, „aga“, „ele“, „ere“; такъ, напримѣръ— asaladitas, balanà, kaładà и др. Иногда эти слоги сокращаются въ „al“, „ar“, „el“, „er“: karvujus, čėgrė и т. п.

Вставочные звуки— „e“ и „o“—для легкости произношенія, общіе русскому и польскому, не достаютъ соотвѣтствующей литовской формѣ; напримѣръ— dastotkas, польск.— dostatek, род. п. ед. ч.— dostatku.

Приставка гласныхъ: atkoničia Syrв., iškalà и škola, izgranda и zgranda; apsalmas и „psalmas литовцы не умѣютъ ясно произнести“; *) abredėlis и brėdėlis и пр.

Вставка гласныхъ (vokalenfaltung), или svarab-

*) Kuršat: gramm. § 121.

hakti: *geminė* (польск.—*gmina*), *karšema* и *karšīama* (т. сл. польск.—*karšma*) и др.

Что касается долготы и краткости гласных, то нужно замѣтить, что, кромѣ зв.—„*é*“, „*ié*“ *) „*u*“, „*o*“, „*io*“, „*ū*“, которые уже по самой природѣ своей долги,—длина и короткость „*a*“ и „*e*“ зависятъ отъ того, ударяемъ или не ударяемъ слогъ; „*i*“ и „*u*“ остаются, въ особенности въ германизмахъ, краткими.

Указавши на нѣсколько примѣровъ дифтонгизации простыхъ гласныхъ, какъ-то: сл. зв. „*ai*“ вмѣсто „*u*“, напр.—*laupiti*, *kauliti*; „*ei*“,—вм. „*e*“: *veiza*; „*ai*“—„*a*“: *dainysė*,—„*e*“: *maišas*, что объясняется, вѣроятно, циркумфлекснымъ удареніемъ, позволено, кажется, будетъ перейти къ разсмотрѣнію и согласныхъ.

Въ сферѣ гортанныхъ слѣдуетъ упомянуть о переходѣ звуковъ: „*g*“ и „*j*“; напр.—*gabartai* и *javartai* (рѣшетка), *gentaras* и *jentaras* (янтарь) и пр.

Судя по такимъ примѣрамъ, какъ *skydas*, *paskierpyto* и др., можно съ вѣроятной достовѣрностью заключить, что „*č*“ переходить въ „*k*“ **)

Губной „*b*“ и звукъ „*v*“—родственны; поэтому, обоюдная замѣна ихъ не удивительна: *balbė* при—*balvius*, *gnevoti* и *gneboti*, *senovė* и *senobė* и пр.

Слова, подобныя *lėkarsta* и *lėkarstva*, свидѣлствуютъ о выпаденіи звука „*v*“.

Иногда, или точнѣе—рѣдко весьма встрѣчается замѣна „*m*“ посредствомъ звука „*b*“, какъ, напримѣръ, *grabnybė*—вмѣсто польскаго—*gromnica*; ***) равно и „*m*“—посредствомъ „*v*“: *širmas* и *širvas*—сѣрый; чаще бываетъ замѣна „*m*“ и „*n*“: *grāmdau* и *grandau* и пр. т. п.

*) Ср. шлейхеровское „*ě*“.

**) Обыкновенно—литовское „*č*“ переходить въ „*k*“.

***) Священная свѣча, отъ 2 февраля, какъ спасительное орудіе противъ разрушительнаго дѣйствія силы грома.

Замѣна „г“ и „л“: grumtas и glumtas, šurnas и šulnas (также — surnas и sulnas) и мн. др.

Различнымъ переходамъ подвержены шипящiе — sibilantes: вмѣсто „s“ и „ш“ рядомъ съ ними, является — „š“; напримѣръ, ankštirai и anštirai (личинка майскаго жука), āpsakas или aršas (каблукъ, уступъ), kaštuvas и kəštuvas (серебрина), maštas и maštas (манта), šikšnà и šikšnà (кожа), šilkaì и silkaì — шелкъ, šopāgas и šopāgas — сапогъ и пр.

Весеву члвй (tonlose) шипящiй „š“, опруженный ударяемыми гласными, переходитъ въ шипящiй „ž“ и наоборотъ: anušē и anužē — имъ, gaižus и gaisus — испорченный *), služus и slusnus — послушный, žarās **) — рядъ, линия и т. п.

Stimmtonetzchung омъ объясняется замѣна „s“, „z“, „ž“ и обратно: anyžas и anyzas — анишь, arkušas или arkusas — листъ бумаги, žauniti и sauniti — болтать и пр.

Сибилическое „š“ и аффрикандное „č“ весьма уважать обоюдную замѣну: такъ: šiekšlas и čiekšlas — комода, чурбанъ, šėrponas и čėrponas — шафранъ, šermukas и рядомъ čermukas — вепренокъ и др.

Измѣненiе sb. „s“ и „č“ — совершенно соответственно: gaspada (польск. — gospoda), loska (польск. — łaska) и пр.

Знаменательно весьма, что сочетанiе — „šć“ остававшееся въ древней письменности неизмѣннымъ, нынѣшнимъ произношенiемъ упрощается: комбинированный звукъ — „šć“ — обращается въ единственный „š“; напр. — špr (изв. špr) — термосъ и т. д.

Въ области перехода согласныхъ особенно интересна замѣна tenuis и media: plėkas и blėkas — олово, blizgė и plizgė — тряпка, kartėpelis и kardėpelis — картофель, kaukėnà и kau-

*) Собственно, gaižus или gaižus значить — противный.

**) Ср. малорусск. žar.

guris — холмъ, возвышенность (крута*), klabavoti и glabavoti — дѣстить, kvailus и gvailus — мурный, plėka *) и plėga — ударъ, также — стучать (мгновенный) и т. д.

Переходъ и перестановка: sterbli и skerbtė — выстрѣлъ, kruša и truša — груша, plėcius и klėcius — много, būbnas и būgnas — барабанъ и пр. (рядомъ — sterbė и т. п.

Приставка согласныхъ: skinka и kuskā — хитомъ***), skiebliejas — проповѣдникъ и kalbėjimas — рѣчь, prėsti и plėsti — выпрямлять и др.

Вставка согласныхъ: zopostas (изъ польскаго — zapas), pešvėtis (изъ малоросскаго — pešat), ruvniše (изъ польскаго. rujanica, нынѣшн. — rjак), vitravis (изъ польскаго — vitrich) и т. п.

Призвукъ — „j“ — встрѣчается въ производныхъ отъ нѣмецкихъ словъ, въ особенности — послѣ „t“ и „l“ — передъ гласными типа „u“; на примѣръ — briūnas или braun — коричневый, liaurė ****) — похвала, liogaris (lager) — лагерь, liampa (lampe) — лампа и пр.

Отпаденіе и выпаденіе отдельныхъ звуковъ и слоговъ: agli, krotos, rapnikas, razmas, švėga, tavorska, jomarkas, jušnas... Для объясненія данного случая удобно воспользоваться словами Витнея: „причина всякаго измѣненія звуковаго заключается въ стараніи человека облегчить выговоръ (произношеніе), — сбросить, поэтому, весь лишній балластъ за бортъ. Это — результатъ врожденной лѣности“.

Метатезы (Metathesen): alerka, cėverykas, murolius, pinavė, zelkorus, torėlus, keraists и ragaisis, skrobti и skorbti, sėmas и sėlmās (грязь) и др.

*) $\sqrt{kuk}$: k-au.

**) Jd. $\sqrt{plak}$.

***) Сл. малороссійск. — chusťka.

****) $\sqrt{lob}$.

Удареніе, обыкновенно, остается то же.

Въ силу утраты литовскимъ языкомъ среднего рода — славянскій средній родъ именъ передается или а) мужескимъ: *bognas, bliūdas, čudas* и т. д., или б) женскимъ — *džola, kėnvoņa, lakamstva, lėkarstva* и пр.

Часто заимствованное слово мѣняетъ родъ: *abydas, amalaĩ, bromas, tėėrė, duņajė, gramodas* и др. Въ этомъ отношеніи особенно интересны русско-польскія слова, имѣющія въ именительномъ падежѣ одинаковое окончаніе для мужескаго и женскаго рода: *burlokas, kozuadėjās, siratas* и др.

Pluralia tantum также, при заимствованіи, мѣняютъ число: *baĩšėi, čekinei, čemerųėe, kucas* и пр.

При заимствованіи, не рѣдко предлогъ не-литовскій замѣняется чисто-литовскимъ; такъ, славянск. „pod“ — чрезъ „ра“; напримѣръ, *ракамогė* — изъ польск. *podkomoŕy* и т. д.

Обозрѣвши всѣ эти второстепенныя звуковыя измѣненія, можно съ достовѣрностью сказать, что, въ періодъ проникновенія славянскихъ словъ въ литовскій языкъ, законы, которые отдѣляли его отъ ближайшихъ ему родственниковъ, *) пребывали уже въ бездѣйствіи. Такимъ образомъ, является слѣдствіе, противоположное общепризнанному принципу, по которому „е“ въ словахъ — *dėkà, rėližis, rėtnųėe, čiėdyti, rėdas* — произошло сперва на литовской почвѣ изъ „еп“, — по допущеніи чего выходитъ, будто эти слова заимствованы еще съ носовымъ звукомъ, и сначала „еп“ въ области литовской фонологіи перешло въ „е“ („je“) **). Но для подобнаго превращенія всѣ эти слова слишкомъ молоды; поэтому, и не возможно, кажется, категоричное заключеніе.

*) Напр. — переходъ длиннаго „а“ въ „о“, отчасти — измѣненія нѣкоторыхъ „еп“ въ гласный „е“ и др.

**) Ср. *miesà*, изъ — *mensa* (мясо) и пр.

Зданіе литовскаго языка было вполне выстроено до того еще времени, когда въ него стали проникать свѣтъ иноземнаго свѣтила, — гораздо, видимо, раньше, чѣмъ литовскій лексиконъ стала тревожить чуждая стихія: вліяніе всѣхъ даже славянскихъ нарѣчій до сихъ поръ еще не было въ состояніи его пошатнуть.

Конечно, это не относится къ тѣмъ вѣтвямъ отдѣльнымъ литовскаго развѣсистаго древа, которыя примыкаютъ непосредственно къ границамъ малорусскимъ и бѣлорусскимъ. Здѣсь замѣчаются два факта: а) поляки, русскіе и, слѣдовательно, также литовцы въ Русской Литвѣ говорятъ, напр. — „nje“, вмѣсто „né“: gridnjėti вмѣсто — gridnėti; б) на юго-востокѣ Литвы передъ мягкими гласными, какъ „ie“, „i“ и др., „d“ произносится, будто „dz“, „ts“, зв. „č“ — какъ „с“: tatučis — tatučis, marčias — marčias и др.

Часто наблюдается, что при заимствованіи: измѣняется и коренное значеніе слова; напр., прусско-литовское *dėti* значитъ — положить, поставить, посадить; *žemait'ное* же означаетъ и понятіе — дѣлать. *)

*) Ср. польск. — *dziać*, напримѣръ, или малорусск. — *dijaty*.

Вообще необходимо принять въ руководство соображеніе, что для легчайшаго ориентированія, — удобнѣйшаго, или, точнѣе — вѣрнѣйшаго пониманія и, слѣдовательно, толкованія подобныхъ явленій звуковаго начала, нужно бываетъ, и весьма часто, сообразоваться съ польскимъ или нѣмецкимъ подлинниками.

См. о томъ же заключеніе Al. Brückner'a: *Litu-Slaviche Studien*.

Сл. ми. П. Н. Рыбникова, въ письмѣ его къ К. С. Аксакову о приуроченіи именъ историческихъ Литвы къ стольному Кіеву (Былины: ч. 2, II) — въ связи съ характеристикой отношеній Русской земли къ древней Литвѣ (Ibid.: ч. 1, V). Чит. былины княжескіи и безыменныя.

Не не любопытно въ этомъ отношеніи возможные итоги, подводящіяе воздѣйствія на ядро литовской рѣчи со стороны состязавшихся въ равновѣсіи — быта, грамотности, просвѣщенія, какъ силы цивилизующей, каковаа однимъ уже значеніемъ культуры не могла не притягивать къ себѣ, хотя бы на основѣ лишь идеальнаго обобщенія, разбросанныхъ по далекимъ разстояніямъ народностей великаго авангарда юнѣйшей въ Европѣ семьи.

Б. Вліяніе славянское на литовскій словарь.

А — устарѣлая ф. „о“ N	и, по;
Abā	блрск. млрск. польск. а.
Abā	или;
Abarā **)	блр., млр., нл. або.
Abarā **)	дворъ;
Abaras, aburas R.	блр. и нл. obōra.
	спутанная пряжа;
	блр. и млр. obōra,
	нл. obařanek ***)
Abatas ****)	игумень;
	нл. opat.
Abavem—въ катехизисѣ 1547 г. — тогда;	
	нл. aboviem, alboviem.
Abazas	лагерь;
	нл. oboz.
Abecēla	азбука;
	нл. abecadiio.
Abrozās	образъ;
	блр., млр., нл. obraz.
Abyda *****)	обида;
	блр. obīda.
Abrūsas	утиральникъ (платъ, убрूसъ?);
	блр. суено, полотно, холстъ.
Adamoška *****)	камня;
	блр. adamāška.

*) Сл. примѣч. стр. 9, 21, 25.

**) Не извѣстное въ прусско-литовскомъ. N.

***) Нога тонкая веревка, употребл. при обертываніи ногъ онучами.

****) Не извѣстное въ протестантск. прусско-литовскомъ — по N.

*****) Слово не очень древне: въ прусско-лит. не употребляется.

*****) Встрѣчается только въ žemaitisch'ѣ.

Adina,	s. gadynē.	
Adnūs,	s. gadnus.	
Agūrkas, agurkēlis		огурецъ; нл. ogōrek.
Ajstas		аистъ; влр. аистъ Mik.
Akrūtas, также škrūtas		корабль; нл. okrēt.
Aktāva		8-й день послѣ праздника; нл. octava, блр. то же *).
Akvāta	žem.	бодрость, веселость, подвиж- ность, живость; блр., нл. ochota,
	žem.	то же;
achatlivas		бодрый, живой, веселый **); радостный ***); блр. и нл. ochotlivuj.
Alazas		крикъ; блр. hałas.
Albā ****)		или; блр., мвр. нл., albo.
Alē		да — RM., то же = но; блр., мвр. и нл. ale.
Aliējus		масло; блр. olēj, нл. olej.
Alyvā		оливка:
alyvū mēdis		оливковое дерево;
alyvas и alyvā		въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ син. sirunga vulgaris. Linn.; нл. oliva — оливковое дерево.

*) Вліяніе аз. латинскаго (?).

**) Ср. нѣм. munter.

***) Сл. нѣм. vergnügt.

****) Употр. въ катехизисѣ 1547, 9—10; обветш., старца. К.

Altořius	алтарь; нл. óltař.
Alunas	квасцы; нл. alun.
Alvas	олово Bd. Qu; нл. olón — свинецъ.
Ambiti	бранить, ругать, порицать; блр. hánbić, млр. hánbyty, нл. (заимствов.) hánbić.
Ameręs	воздатель Bd.; нл. odmierać.
Andè, anè, annše, ankè	женское имя; нл. andža, млр. hána, hanuša, hanuša, hanka.
Aniolas	ангелъ; нл. anioł.
Añs, ana	онъ, она; блр., млр. и нл. on, ona.
Apěkunas	опекунъ; нл. opiekun.
Apiera	жертва; нл. ofiara.
Arbatà	чай; нл. herbata.
Arēlka	водка; блр. horēlka млр. horilka.
Asaba	особа; блр. нл. и osoba.
Asilas *) и ašilas	осель; млр. oseł, нл. osioł.
Aučorius, также apčorius	пастухъ; блр. нл. ovčar,

*) Въ катехизисъ 1547 г.

Až и aža	пока ; нл. аž, мвр. (заимств.) аž.
Bučkà	бочка ; мвр. bočka.
Bagótas	богатый ;
bagotyrus	оч. богатый (ср.сл. — богатырь);
bagdčius	богачъ, —
bagotiti	обогащать :
nebāgas (чаще nabāgas)	бѣдный, несчастный ; мвр. bohatyj, bohatyr, bohaćić; мвр. bahatyr, нл. bogač, ср. нл. сл. nieboga.
Balamūtas	обманщикъ ;
balamūtyti	обманывать ; мвр. bałamūt, нл. bałamucić.
Balbiērius *)	брадобрей ; нл. balbief.
Baltramėjus—balsys—baltras	имя при крещеніи: нл. Bartłomiej błażej.
Baranka	шапка изъ смушекъ ; мвр. baranok — смушка.
Barsūkas **)	барсукъ ;
Barsukas	вебрь ; нл. borsuk — барсукъ.
Bartys	улей ; мвр. bort'.
Bartkus	портной ; мвр. portnoj.
Barvā ***)	краска ; нл. bava.

*) Также — barbėjus (лат. 2).

**) Zemait.

***) Шлейхеръ.

Bátas		сапогъ; <i>блр.</i> bo't, <i>млр.</i> bot.
Bavilna		шерсть; <i>нл.</i> bavelna.
Băžyti		вляться; <i>млр.</i> božytys'a, <i>влр.</i> božitisja, <i>блр.</i> božacsa.
Baika		сказка; <i>блр.</i> и <i>нл.</i> baika.
Biedà	biėdnas biedūtis	нужда; жалкій, горемычный; бѣдный человѣкъ (бѣднякъ); <i>блр.</i> bėda и bėdnijj, <i>нл.</i> bieda, biedak.
Bėsas		бѣсъ, чортъ; <i>нл.</i> bies.
Bezdónis, bezdžiőne, beždžianka		обезьяна; <i>влр.</i> obezujana.
Biblija, bible *)		библія; <i>нл.</i> biblja.
Blynai		блинъ; <i>млр.</i> blyп.
Blőgas		слабый; <i>млр.</i> bľahyj, <i>нл.</i> blahi.
Blúda	bludas	глупость; глупецъ; <i>млр.</i> bľud, <i>нл.</i> bľad — ошибка.
Blūdas		блюдо; <i>млр.</i> bľjudo.
Bóba		старая женщина; <i>блр., млр.</i> и <i>нл.</i> baba, starucha;

*) Zemait.

boba *)	бабушка ;
bobél(n)e	<i>блр.</i> baba, обыкновенно — babka; наковальня, на которой вуютъ косу.
Bočius	дѣдъ ; <i>блр.</i> basà — отецъ.
Boviti **)	проводить время ; <i>блр.</i> bavić, bavićsa.
Brang'ti	грабить ; <i>блр.</i> и <i>пл.</i> bronić' — возбранять, прекословить и др.
Brilus ***)	шапка ; <i>блр.</i> и <i>млр.</i> bryl, bryljok.
Britvā	бритва ; <i>блр.</i> и <i>млр.</i> britva.
Brokas	ошибка ; <i>пл.</i> brak.
Būbnas и bubnā	барабанъ.
Bublos	бубликъ ; <i>блр.</i> и <i>млр.</i> bublik.
Budavóti	строить ; <i>пл.</i> budovac'.
Bukėtelis	букетъ ; <i>пл.</i> bukiel.
Būksos и būksvos	штаны ; <i>пл.</i> buksy.
Buras	сѣрый ; <i>млр.</i> búryj — красновато-сѣрый.
Buróka	буракъ ; <i>пл.</i> burak.
Builė ****)	картофель ****).

*) Id.

**) обыкновенно — bovitis'.

***) Zemait.

****) Zem. cf. — bulbé: id. ср. *млр.* bulba.

Ciēcōrius, ciēsorius	цесарь; <i>нл.</i> cesař.
Cibukas, cino cibukelis	мундштукъ; <i>нл.</i> cybuch.
Cit	тихо, смирно; <i>нл.</i> cyt.
Cytana	цитра; <i>нл.</i> cytra.
Cytrina, cytryna	цитронъ; <i>нл.</i> cytryna.
Cnata	добродѣтель;
cnatyvas	добродѣтельный; <i>нл.</i> snōta, cnotlivy, cnotlivošć.
Cúkorius, cukyrus	сахаръ; <i>нл.</i> cukier.
Čiařtas	чортъ (ср. стр. 38); <i>блр.</i> и <i>млр.</i> čort,
Čiéditi	падать; <i>блр.</i> šćadzić.
Čēpčus	чепчикъ; <i>блр.</i> čepės.
Čēprōnas	шафранъ; <i>нл.</i> šafran.
Čerepakas	черепаха; <i>млр.</i> čerepacha.
Čertablakė	травя-чертополохъ; <i>млр.</i> čertorołoch.
Čiēsas	время; <i>блр.</i> <i>млр.</i> , и <i>нл.</i> čas:
nečėstis	несчастье.
Čėtulė*)	тетка; <i>нл.</i> ciotula.
Četvertis	четверть; <i>млр.</i> četvert, <i>блр.</i> četvertyj — четвертый.

*) Ind. Sirv.

Čytas	щитецъ (ум. отъ сл. — щить); <i>нл.</i> ščyt.
Čulka	чулокъ; <i>млр.</i> čulka.
Damyče	горшовъ; <i>нл.</i> donica.
Darmai	напрасно; <i>нл.</i> darmo, daremnie.
Dekavonė	рѣдкій;
dekà	благодареніе;
dekingas	благодарный.
Didkė, dilkė	маленькая монета; <i>нл.</i> dulek.
Dyvas	чудо;
dyvnas	чудесный;
divytis	удивляться;
padyva	удивленіе; <i>блр.</i> dziv и dzivo, dzivnyj и dzivicsa.
Draska geležinė	желѣзная чешуя; <i>млр.</i> droska — чешуя.
Drebnus	маленькій; <i>нл.</i> drobny.
Duda	оленный рогъ; <i>блр.</i> и <i>млр.</i> dudá.
Dula	груша; <i>блр.</i> , <i>млр.</i> и <i>нл.</i> dúlá.
Dušė	душа; <i>нл.</i> duša.
Etmonas	предводитель; <i>млр.</i> hetman.
Gadynà, adyná	часъ; <i>блр.</i> godzina — часъ время и вообще — пора.
Gansorius	горшечникъ, гончаръ (горшениа); <i>блр.</i> hončar'.

Gaspadà и gaspadà	гостиница; блр. hospóda.
Gātavas	готовый;
gatāvyti	приготавливать; блр. hotovųj, hotovác'.
Góda	хвала, честь;
godoti	хвалить; блр. (и нл.) hodac'—говорить.
Gojas, gojus *)	роща; блр. haj, нл. gaj.
Graith	играть, нл. grac'.
Griėkas	грѣхъ;
griėsyti	погрѣшать; нл. gřech (gřesny).
Groėus	игрокъ; нл. grac' (см. в).
Grėmiata	письмо; млр. hramóta.
Gronųėe	граница; нл. gronica.
Gubas — въ dvigubas	двойной (сл. сугубый);
trigubas	тройной.
Gúne	погона; блр. húná, húnka.
Idai	черви; млр. hyd.
Iėkada	вредъ; блр. (и млр.) škóda.
Jalmuėna, almuėna	милостыня; нл. jałmuėna.
Jekėsis, jekėtis	топоръ; нл. okėa.

*) Ср. древне-литовск. ełkas.

Jevà	верба; мр. iva.
Juka	супъ (бульонъ); бр. juchá (мр. juška?)
Kačérġa	кочерга; бр. kočerhá.
Kaladá	кодода; бр. kolóda.
Kalatiti	колотить (бить); мр. kołotytyś, нл. kłócić się.
Kaldra	крыша; бр. kóldrá. нл. kołodra,
Kalēja	рядъ (колея, колеина); бр. kóleja, нл. kolej.
Kališsa, kališsas	коляска; нл. kolasa.
Kalmarius	чернильница; нл. kałamař.
Kałpokas	шляпа; картузь (юлл. kardoes); нл. kołpak.
K aminas	каминъ; нл. komin.
Kaňčius	кнутъ; бр. končúk.
Káplanas	священникъ; нл. karplan.
Kralíkas	кроликъ; мр. karolyk, нл. królik.
Kardas	мечъ; нл. kord.
Karūnà	корона; нл. korona.

Kasà	коса ; мр. kosà.
Kaštanas	каштанъ ; нл. kaštan.
Kaštavóti	пробовать ; нл. koštovač'.
Kotė	кошка ;
katinas	котъ ; нл. kot.
Kauliti	бранить, ругать, поносить ; мр. chulyty.
Kaúras	коверь ; блр. kover.
Kepuzė	зимняя шапка ; нл. karpuza.
Kėšenius	карманъ ; нл. kieseń.
Kiklikas	буртка ; нл. čechel
Klapotà	хлопоты ;
klapàtyti	хлопотать ; блр. klópot.
Klebatì	лестить ; нл. prochlebjac.
Klijei	клеи ; мр. klìj.
Klōštorius	монастырь ; нл. klaštor..
Kodis	кружка ; блр. и нл. kadž, мр. и влр. kad'.
Kóloti	порицать ; нл. kolač.
Kopija	копье ; нл. korja.
Kortà	карта ; нл. karta.

Kóše	каша ; нл. kaša.
Krāpinti	кропить ; блр. и нл. kropić ; мвр. kropyty, id.
Krivas	кривой ; блр. krivuj
Krópa	каша (ср. в.) ; нл. kuru.
Krupkè	пуговица ; нл. kropka — точка.
Kucos	кутья ; блр. kuścà, мвр. и нл. kutja.
Kiunēna	ювина ; нл. kopina.
Kulé, kulka	шаръ ; нл. kula, kulka.
Kupa	жуча ; блр. и мвр. kupra.
Kuràbas	трубка *).
Kúrpè	башмакъ ; мвр. и нл. kurpie.
Kuska	платокъ блр. и мвр. chustka.
Kvajè	сосна ; мвр. chvoja.
Kvalčavótè	утесикъ ; блр. chval's, нл. falšovanie.
Kvārba	краска ; блр. chvārba.
Kvartúna	счастье ; блр. chvortuna, нл. fortuna.

*) Тр. изъ бумаги Qu. s (— karabas).

Ėakanka	лохань; олр. łochanka.
Ėančiti	связывать; ил. łączyć.
Lavenda	лаванда — то же, что лаванда. (растение—Lavuudula Spika); олр. ljavanda.
Liėkornis	врачъ; ил. lekař.
Ledākas, ledōkas	беспорядочный; олр. ledāsto, олр. ledačij, ил. ladaco,
Lėlė	жука;
Lėvas	олр. и ил. ljalja.
levitė	левъ; лѣвица; ил. lev, lvica.
Likvārius	подсвѣчникъ; ликтерна; фонарь; олр. lichtar (ср. н. Licht?).
Lyra	лира; олр. lyra.
Litera, literėlė	буква; ил. litera.
Lojoti (сл. kauliti, 44)	бранить, ругать; ил. łajać.
Loskà *)	милость; ил. łaska.
Lùba	крошка; ил., łub (олр. и олр. łubka).
Lúkai	лукъ; олр. олр. и ил. łuk.
Lutis	буря; олр. lut'.

*) Въ эт. зн. рѣдко; обыкновенно — loskà.

Mačyti		лѣчить, помогать; ср. <i>нл.</i> помос.
Majetnastis		имущество; <i>нл.</i> majetność.
Matka		кормилица; <i>мвр.</i> и <i>нл.</i> matka.
Maruditi		мѣшать, надоѣдать. <i>блр.</i> morudzić (ср. <i>мвр.</i> moroćty?).
Mašna		мѣшокъ; <i>мвр.</i> mošna, <i>блр.</i> mošonka.
Matula		мать; <i>блр.</i> matúlja.
Mečius		мечъ; <i>нл.</i> (и <i>мвр.</i>) mieč.
Melniče		мельница; <i>мвр.</i> melninka, melnik.
Miėštas		городъ (<i>нл.</i> miasto, <i>мвр.</i> miŝto);
	miešcionis	мѣщанинъ; <i>блр.</i> miėsto, <i>нл.</i> miešcan.
Meškà		медвѣдь;
	mėškins, meškė	медвѣдица; <i>нл.</i> miešek (маленькій мѣхъ).
Meškóti		идти тихо; <i>мвр.</i> mieškat' (=медлить въ ч.-л.); <i>нл.</i> mieškać (=жить).
Melėlnmkas		скomorохъ; <i>блр.</i> metalnik, <i>нл.</i> mielelnik.
Migdolas, migdala		миндаль; <i>нл.</i> migdał.
Militi		ошибаться; <i>нл.</i> mylić się.

Mistras	мастеръ; нл. mistr, majęster.
Móčka, močka	мачеха; влр. mačecha, (млр. mačucha).
Moliavóti	рисовать красками; блр. maleváć.
Moterýnas	материнка (растение — душица, Origanum vulgare); влр. и млр. materynka, нл. macieřanka.
Mozoti	мазать; блр. mázać.
Mukà	мука; млр. muka, (нл. męka).
Mūilas	мыло; блр. и млр. myło.
Múras	стѣна; блр. mur, нл. murař.
Murksinti	пачкать (ср. печь мурвл.).
Navas	новый; ср. блр. noviná.
Nečestis	несчастье; млр. nešastje, нл. nieścęsie.
Nepras — Dnieper:	ср. млр. nįpro.
Noděje	надежда; нл. nadzieja.
Nuprōznas	напрасный; блр. и млр. naprasnyj, нл. napróžno — тщетно.
Nudnas	скучный; блр. nůdnyj, нл. nudny.
Obyvatėlis	житель; нл. obywatel.

Ovitiš	бодрствовать; <i>нл.</i> javić się jāv.
Probžanas	благочестивый; <i>нл.</i> probožny.
Paceleta	платокъ (носовой). <i>нл.</i> facelet.
Padkavà	подкова; <i>нл.</i> podkova.
Paduška	подушка; <i>нл.</i> poduška.
Pakajus	комната; <i>нл.</i> rokoj.
Pakara	смирение; <i>нл.</i> rokoga.
Pakvočius	булочникъ; <i>млр.</i> rachas.
Palmiskas	чашка, тарелка. <i>нл.</i> rołmisk — блюдо.
Palocus	дворецъ; <i>нл.</i> rałas.
Palvas	блѣдный, блеклый; <i>млр.</i> rołovijj, <i>нл.</i> rłowu.
Pančeka	чулокъ; <i>блр.</i> pancōcha, <i>нл.</i> rońcōcha.
Popartis	флагъ; <i>блр.</i> rāperc — паперть.
Papuža	попугай; <i>млр.</i> paruha, <i>нл.</i> paruga.
Parániti	сѣчь, рубить; <i>нл.</i> ropanić — ранить.
Pargamynas	пергаментъ; <i>нл.</i> pergamin.

Pasaga	подруга; <i>блр.</i> и <i>млр.</i> pasok, <i>нл.</i> pasek.
Pašlas	посоля; <i>блр.</i> posól, <i>нл.</i> poseł (poselstvo).
Pastyjołka	сливки; <i>блр.</i> postojalka—сладкое молоко.
Potėka	удовольствие; <i>млр.</i> poticha, <i>нл.</i> posiecha.
Patsúkas	крыса (большая); <i>блр.</i> ráćuk.
Pavėtra	чума (повѣтріе?); <i>блр.</i> povėtrenaja, <i>нл.</i> rovietře.
Pėčėtė	печать; <i>влр.</i> pečat', <i>блр.</i> pečátka, <i>нл.</i> pieczęć.
Peklà	адъ; <i>блр.</i> péklo, <i>млр.</i> peklǫ.
Pestiti	заботиться; <i>блр.</i> pėscić. <i>нл.</i> pieścić.
Pevnas	вѣрный; <i>нл.</i> певну.
Pijulkė	фіалка; <i>нл.</i> fiolek *).
Pipkis**) pŷpkė	трубка; <i>блр.</i> pipka.
Piršis	грудь; <i>нл.</i> pierś.

*) Вѣрнѣе — fįjolek,

**) Также — pŷpkis.

Pleponas, plepon *)	пасторъ ; блр. plebán.
Plėcius	мѣсто ; нл. плас.
Plėme	племя ; блр. plėmie.
Plepėti	болтать ; нл. plaplas’
Plostras	мостовая ; нл. plaster.
Plugas, pliugas	плугъ ; млр. pluh.
Pomėtis	память ; блр. pámjaś, млр. pamjat’, нл. ramieś.
Pėpierius	бумага ; нл. papier, papiern’a.
Požitkas	выгода, барышъ ; блр. požitok, нл. pożytek.
Prájovas	чудо (дивовина) ; блр. projava.
Prašyti	требовать, усиленно просить ; нл. prosić.
Priėtelius	пріятель ; блр. priácel’, млр. pryatel’, нл. pŕyaciел.
Priemingas	пріятный ; блр. prijėmnyj.
Priklodas	примѣръ ; нл. pŕykład.
Prūditi	дуть ; блр. prúdzić.

*) Рядомъ — др. ф.: pleponas.

Pódlas	коробочка ; <i>нл.</i> pudło.
Pudvyčë	пуговица ; <i>слр.</i> pugoŭica.
Punë	стойло ; (<i>слр. мр.</i>) <i>блр.</i> púña.
Pùšnas	гордый ; <i>блр.</i> pušnuj.
Rabužëë	тихо, медленно.
Racinë	картофель ; <i>млр.</i> rachiny.
Rankóvë	рукавъ ; <i>блр.</i> rukavà, <i>нл.</i> rëkav.
Rapnikas	кнутъ ; <i>млр.</i> и <i>нл.</i> harap, harapnik.
Rātušë	ратуша (= купеческая управа) <i>нл.</i> ratuš.
Raīstras	ропись, реестръ ; <i>блр.</i> reestr, <i>млр.</i> rejstr.
Rečë	вещь ; <i>блр.</i> и <i>нл.</i> řeč, <i>млр.</i> rič.
Repečka	жаба ; <i>блр.</i> garúcha, <i>млр.</i> gerúcha и rjarucha.
Rëzvas	веселый ; <i>нл.</i> řëžvy.
Ricerius	рыцарь ; <i>млр.</i> řycár, <i>нл.</i> ryceř.
Rīzai	тряпье. <i>блр.</i> rižze.
Rodnas	удобный ; <i>млр.</i> radnij.

Roná	рана.
	<i>нл.</i> rana.
Rože	роза ;
	<i>блр., млр. и нл.</i> róža.
Rūbas	платье ;
	<i>блр.</i> rub.
Rubokas	червь ;
	<i>блр.</i> rybák,
	<i>нл.</i> robak.
Sagonas	гостель ;
	<i>нл.</i> sagan.
Solota, solótas	салатъ ;
	<i>млр. и нл.</i> salata.
Sčëstis *)	счастье.
	<i>блр. и млр.</i> ščasće **)
Siëras, sierà	сѣбра ;
	<i>млр.</i> séra, síra, sírka,
	<i>нл.</i> siarka.
Sëta	пряжка ***).
Sylà	сила ;
sỹlyti	принуждать ;
	<i>блр.</i> siła, sílic,
	<i>млр.</i> syła.
	<i>нл.</i> siła.
Siłke	селедка ;
	<i>влр. обшкн. ф. мн. ч.</i> — selŷdy,
	<i>млр.</i> seledka,
	<i>блр.</i> seledzéé,
	<i>нл.</i> śledź.
Skaba	подкова ;
	<i>влр.</i> skoba.
Skàpas	овца ;
	<i>нл.</i> skor, skopiec.

*) Ср. nesčëstis — несчастіе; см. в.: стр. 48.

**) Ср. блр. neščište, также и млр.

***) Le corset (?) — корсетъ. N.

Sklēpas	сводъ, слеpezъ; <i>нл.</i> sklep.
Skrypka	скрипка; <i>мвр.</i> skryпки, <i>нл.</i> skrypcе.
Slānas	слонъ; <i>нл.</i> słoń.
Slēsorias	слесаръ; <i>мвр.</i> ślusar', <i>нл.</i> ślusař.
Sodžiei	сажа; <i>нл.</i> sadza.
Spyžarnē	столовая; <i>бвр.</i> и <i>нл.</i> spiżarna.
Sragus	лютый, суровый; <i>нл.</i> srogi.
Staminti	дымить; <i>бвр.</i> stomit' и stomic', <i>мвр.</i> tomyty.
Styga	струна; <i>мвр.</i> styh, steh.
Stódas	стадо; <i>мвр.</i> и <i>нл.</i> stado — стадо скота.
Storōnie	забота; <i>нл.</i> staranie (ср. starać się).
Strovà	кушанье; <i>бвр.</i> stráva.
Strúsas	страусъ; <i>нл.</i> struś.
Súdas	вружка; <i>бвр.</i> súdy, <i>мвр.</i> sosud.
Sumienē	совѣсть; <i>нл.</i> sumienie.
Sviētas	свѣтъ.

Svikla	свекла; (<i>пл.</i>) и <i>мр.</i> švíkla.
Salbierius	обманщикъ; <i>блр.</i> šalbēr, <i>пл.</i> šalbieř.
Sarpūti	спѣшить; <i>блр.</i> и <i>пл.</i> šarpać — схватить.
Šēpa	ящикъ; <i>пл.</i> šafa (šafař — ключарь).
Šerstelis	шерсть; <i>влр.</i> šerst', <i>мл.</i> и <i>пл.</i> šersć.
Šilkaĩ	шелкъ; <i>влр.</i> šełk, <i>блр.</i> и <i>мр.</i> šook.
Širénka	шейный платокъ; <i>блр.</i> širina, <i>мр.</i> šyrŋnka.
Škoła	школа; <i>пл.</i> szkoła, školny.
Slově *)	слава; <i>пл.</i> sława.
Smakas	вкусъ; <i>пл.</i> smak.
Šioblis	сабля; <i>блр.</i> и <i>пл.</i> šablja.
Špotnas	грязный; <i>блр.</i> špétnyj, <i>пл.</i> špetny (невзрачный).
Šriúba	винтъ; <i>блр.</i> šrub, <i>пл.</i> śruba.
Štúrmās	буря (и штормъ); <i>пл.</i> śturm.

*) Сл. neřlově — безславые: *пл.* niesława.

S'urkštūs	острый ; нл. šorstki (шероховатый, грубый).
S'viežias	свѣжій ; блр. svėžuj, млр. švižuj, нл. šviežu.
S'vinas	свинецъ ; влр. svinės, млр. svuzncevuj — свинцовый.
Tāncus	танецъ ; блр. tánec, млр. tancovaty, нл. taniel.
Tėlas	теленокъ ; блр. ėele, млр. telja, нл. ciele.
Temnyčià	темница ; блр. cemnīca, млр. temnyća.
Teróti	терять ; влр. terjat', млр. tyraty (нл. tracić).
Tyká, tykūmas	тишина ; блр. cis', ciša, млр. tychuj, нл. cichy.
Tymiõnas	өиміамъ ; нл. tymian.
Tobličė	таблица ; нл. tablica.
Tolėrius	тарелка ; нл. taleř *)
Totorus, totoris	татаринъ ; млр. и нл. tatar.

*) Ср. блр. talérka, млр. talir, н. Teller.

Triumna	гробъ; блр. truná, мл. trumna.
Tronas	тронъ; мл. tron.
Triubà	труба; блр. trubà и trubić: ср. сл.-мл. trąba.
Triùškis	кроликъ (ср. в., 43); блр. truś, млр. trucha.
Tulponá	тюльпанъ; мл. tulipan.
Tuštas	пустой, бѣдный.
Tvérti	творить, производить; мл. tvoŕýć, stvoŕýć.
U'bagas	убогій, нищій; блр. ubóhuj, мл. ubogi.
Udilai	удила; млр. vudyło, мл. vėdzidło.
Ungûlis	подковный гвоздь; млр. uchál.
Úksûsas;	уксусъ; влр. uksus.
Ustavičnai	постоянно; мл. ustavičnie.
Uvožoti	уважать; блр. и мл. уваžác
Vadka *)	водка; мл. vódka.
Vaĩskas	войско; блр. и мл. vojsko, млр. vijsko.

*) Также — vatka (гдѣ t при k — изъ d).

Valdimieras	правитель; млр. volodymir.
Valé	воля; блр. и млр. volja *)
Váranka **)	воронка; влр. voronka.
Vargėnai	органъ; блр. arhonnik, пл. organu.
Vaška	фунтъ; блр. и млр. vážko***)--тяжело.
Varvalis	рыбий жиръ (ворвань); влр. vorvań.
Važnyče	извозчикъ; пл. vozniса.
Večėrė	ужинъ (вечера); пл. viečeга.
Vejunis	Наминъ-рыба; млр. vjun, vijun.
Velýkos	Пасха; блр. veličko, млр. veľykdeń, пл. vielka.
Verbliūdas	верблюдъ; млр. verbljūd, пл. vielblād.
Vestė, vēstis	вѣсть; млр. višt', пл. vieśc.
Vilna	шерсть; млр. vónna****) пл. veľna.

*) Ср. и прилагательн.—vėliuj.

**) Тоже и —vérenka.

***) Сл. važuty—вѣшать (важить: Wage).

****) Въ блр. яз. vovňanki — родъ грибовъ.

Vobiti	манить; блр. и нл. vābić.
Vosilkà	василекъ; млр. vasylok.
Zalatorius	золотыхъ дѣлъ мастеръ; блр. и млр. zołotar' (при сл.— zołotó).
Zbaras	собрание; нл. zbór.
Zdroda	измѣна; блр. и нл. zdráda, млр. izrada.
Zelkorius	зеркало; млр. zerkalo.
Znókas	знакъ; блр. znakí, нл. znak.
Zvānak	волоколь; блр., млр. и нл. dzvon.
Žebrokas	нищій (ср. в., 57); блр. и нл. žėbrák.
Žēglis	парусъ; нл. žagiel.
Žegnóti	благословлять; блр. žėhnác, нл. žegnać.
Žėstis—ėš	жестъ; влр. žest'.
Žyćiti	желать; блр. žyćić', нл. żyćyć'.
Žūponas	жупанъ. блр. и нл. žūpan.
Žviras	кашешки; нл. źvir.

В. Вліяніе славянскаго языка на литовскіе корни и синтаксисъ.

Въ предыдущей главѣ сдѣлана попытка указать на то вліяніе славянскаго языка, какое оказалъ онъ на литовскій. Естественнымъ, потому, кажется, представляется вопросъ, не испытывали ли и другія какія-либо стороны языка литовскаго подобнаго вліянія?

При обзорѣни литовскихъ корней выступаетъ цѣлая тѣма не литовскихъ суффиксовъ:

„ba“ въ словѣ: svodbà — свадьба и др. *);

„da“ „ „ krivdà — неправда и пр. **); суффиксъ — „ionia“ — тоже славянскаго происхожденія и мн. др.

Т. н. вторичный суффиксъ — „na“, образующій имена прилагательныя, также является заимствованнымъ; однако, гдѣ онъ — первичный, незаимствованность его сейчасъ же весьма просто сказывается ***).

Суфф. — „orius“ — не вполне правильно разсматривается изслѣдователемъ Карловичемъ, какъ заимствованный.

Суфф.: „nucia“, вмѣсто чисто-литовскаго — „inucia“, легко поддается разбору.

Суфф.: „tva“ или „tuvà“ въ сл. — britvà ****).

Суфф. — „stva“ *****) — произведенъ изъ польскаго; въ литовскомъ — tvà: senàtvė.

Префиксъ — „da“ — заимствованъ изъ языка славянскаго; „dėjas“ *****) — изъ польскаго.

*) Ср. službà — служба и др.

**) Сл. kliaudà — ошибка и пр.

***) Какъ-то: plėnos — тонкій, pólmas — полный и др.

****) Вм. должной формы — briėtuvas.

*****) Въ словахъ: lakamstva, raspalstva и пр.

*****) Ср. пл. „dziej“: piktadėjas, пл. złodziej — злодѣй.

При обозрѣннн литовскаго синтаксиса оказывается приблизительно слѣдующее: синтаксисъ прусско-литовскій всего болѣе осаждается германизмами; такъ, пѣ, кѣ, вмѣсто —аріѣ кѣ: пѣ съ родительнымъ взамѣнъ одного падежа, или — самостоятельнаго родительнаго.

Отдѣльные германизмы: jiš tai peĩ tiěsa laiko — аš peĩ tai dūvyjus...

Предлогъ — „рѣ“ — съ родительнымъ падежемъ: рѣ dešinės — направо, рѣ kairės — налѣво... заимств. изъ польскаго.*)

Нарѣчія о томъ же свидѣтельствуютъ; такъ, rotām — потомъ, вмѣсто обыкновеннаго — рѣтѣ (изъ пл. potem).

Употребляемое въ литовскомъ обращеннн рѣns и рѣnė вмѣстѣ съ глаголомъ въ 3 лицѣ единственнаго числа тоже, по всей вѣроятности, взято изъ польскаго: рѣns būs tōks gers или: рѣnė būs takiā gerā — тождественно вполне польскому выраженнн: раn bėdzie taki добру, раnī bėdzie taka добра.

Страдательный залогъ часто очень передается возвратною формою: jėš teĩp vadĩnasi — такъ называется...

Употребленн 2 л. ед. ч. прошедш. вр. несовершен. — вмѣсто д. 3 л. можно считать славяннзмомъ; такъ, напр., bũk švenĩciamas tãvo vãrdas — вмѣсто t'esiė...

Замѣна сказуемаго существительнаго посредствомъ instrumentalis'a — также намекаетъ на славянское (польское) заимствование; такъ, напр., аš esũ žmogumi — по-польски: jestem człowiekiem. И воздѣйствнє это на литовскую рѣчь со стороны стихнн славянскою не ограничивается извѣстной сферою; оно обнимаетъ весь литовскій словарь.

Слѣдующнн измѣненнн, напр., не могутъ быть объяснимы безъ посредства, болѣе или менѣе сильнаго или слабаго, влияннн славянскаго: peĩ bėzna šlũžyti — служить слугою, вмѣсто болѣе вѣрнаго выраженнн — bėrnu še (пл. za parobka slũžyc) kàs tai peĩ žmogũs, вмѣсто — kũkst... соотвѣтствуетъ польскому выраженнн: co to za człowiek; ciā bũvo kũks šimts, kokiė devyni mam — было либо 100, либо 9 = пл. выраженнн: tu byũo jakich sto, jakich dzieveć.

Г. Литовскія слова, заимствованныя изъ языка славянскаго.

Литовцы приходили въ частія соприкосновенія съ племенами славянскими, въ особенности — съ бѣлоруссами и малоруссами (отчасти и съ великоруссами) *); рѣже приходилось имъ сталкиваться съ поляками: приводимыя въ азбучномъ чинѣ слова подтверждаютъ выраженное сужденіе, заключающае въ вѣроятности, если не къ правдивости, хотя бы и относительной, положенія.

Ablava	облава; н. oblava.
Agurkas, lit. aguřkas	огурецъ.
Bàba, lit. bóba	старуха (бабушка, баба).
Balamute, lit. balamutas	болтунъ.
Baraškaš, baraskas	баранки; н. obařanek.
Baznica, lit. bažnyčė	храмъ.
Belaks	бѣлый заяцъ; блр. bėlják.
Birkavė, birkava	берковецъ; слр. berkovec.
Būda, lit. budá	будка.
Bulvāns, lit. balvōnas	пугало (болванъ?).
Cicars, lit. ciėcorius	царь.
Čaba	жаба; блр. и н. žaba.
Čarka	чарка; блр., слр., слр. и н. čarka.

*) Такъ, извѣстно между прочимъ, что литовцы называютъ русскихъ общимъ именемъ — „krevi“: и въ этомъ имени нельзя, кажется, не узнать древнихъ нашихъ кривичей, т. е. бѣлоруссовъ.

Čēdišana (lit. čīēdyti--щадить)	пощада.
Čigans, lit. cigōnas	цыганъ (татарск. čingenè?).
Čuguns	чугунъ; влр. čugun (млр. čuhun).
Čučka	собачка; блр., влр. čučka.
Dobūti	получить; влр. добыть, нл. dobyc'.
Dīgāt, lit. dīgāti	двигать; влр. dvigat' (млр. dvyhaty).
Dzilnis	дятель; блр., влр. želna.
Gaspaža	госпожа; блр. hospoženka, влр. gospoža.
Gembas	ротъ; нл. geḃa (= губа).
Gnīdas	гнида; блр. и млр. hnidy.
Guži, lit. gužė	гусъ; блр. huś, влр. guś.
Gubīt, lit. gubīti	прогонять; блр. hubic' (нл. gubić), влр. gubit' (уничтожать).
Indiks	индюкъ; нл. indyk.
Jermulka	ермолка; нл. jarmōlka.
Kalačīt (= kalačiti)	будить; нл. kołatać (= стучать).
Kalps	холопъ; блр. chōłop (= нл. chłop).
Канере, lit. kanāpės	конопля.

Karata	женская одежда (капотъ); нл. karota.
Karmančiks	карманщикъ; блр. kormánnik.
Karōgs	флагъ; нл. choragiev (совр. flag).
Kurpe, lit. kúrpė	башмачекъ.
Kvars	слабый; блр. и млр. chvoryj.
Lāska, lit. locká	милость.
Lapšas, lit. lapati	лапотъ.
Lemesis	лемехъ; нл. lemeš.
Leste	кадь; блр. и нл. lešč.
Ližika	ложка; нл. lyžka.
Lulkis	дудка; нл. lulka.
Mēms	нѣмой; блр. nēmyj, нл. niemy.
Militis, lit. militi	ошибаться.
Muninš	деньги; нл. moneta.
Mužiks, lit. mužykas	мужикъ.
Naimitis	поденщикъ; блр. и млр. náimit.
Negadns, lit. gadnūs	негодный.
Oboze, lit. ābazas	обозъ.
Obrazse, lit. ābrōzas	образъ.
Pātaga, lit. botāgas	кнутъ (батога?).
Pak mels, lit. pakmelis	похмелье.
Palkavnéks, lit. palkavnikas	полковникъ.
Paščuks, нл. gaščiti (= пасти)	пастухъ.
Pavada, lit. pavads	поводъ (ремень у узды коня);

Pazuka и pazucha	пазуха.
Pekle и pekeles	пропасть *).
Plecs и plece	плечо; <i>мл.</i> plesy.
Pluts, гл. pluti (=плутовать)	плутъ.
Polaks	полякъ; <i>мл.</i> polak.
Popravitis и papravitis	поправиться, устроиться.
Põvs, lit. põvas	павлинь.
Pralka, lit. prālika	прялка.
Pribaka, lit. pribaks	прибавка.
Prošava (poprošiti = прощаться)	прощаніе.
Pulks, pulka, lit. pułkas	изобиліе, множество.
Rabota, lit. rabatà	работа, занятіе.
Rāmis	паромъ; <i>млр.</i> rogom.
Rente, lit. randà	аренда.
Rōbēža, lit. rubēžius	рубежъ, граница.
Rūčnēks	ручникъ, утиральникъ; <i>млр.</i> ručnik.
Sānus	сани; <i>мл.</i> sanie.
Sažens (saženiti = измѣрять)	сажень.
Silke, lit. silkė	селедка (ср. в., 53).
Skrīne, lit. skrynė	ящикъ; <i>млр.</i> skrynja.
Slēde (slēditi = слѣдить)	слѣдъ.
Slėnas	слюна; <i>блр.</i> slinja.
Sluga, lit. slūga	служанка.
Sōma, sōms	сума.
Spegs, lit. spėgas	шпіонъ, сыщикъ.
Stakans и stokans	стаканъ.
Stulpane	тюльпанъ; <i>мл.</i> tulipan.

*) Ср. лит. *pekla* — адъ — *млр.* *peklo*.

Sunkis	свинка; нл. sviŋka.
Svāti	сватъ; мр. и нл. svat.
Svežs, lit. švėžas	свѣжій; нл. švežy.
Svins, lit. švinas	сwineцъ.
S'artus (šartiti = шутить)	шутка *)
S'inelis	шинель.
S'pickas	спички.
S'uba, lit. šuba	шуба; блр. и мр. šuba.
Tavariča, lit. tavōrčcius	товарищъ; мр. tovarišč.
Tēprit, m. l.	терпѣть, переносить.
Timpa, m. и l.	маленькая монета; блр. timpa.
Tolks, lit. tūlkas	совѣтъ, помощь, содѣйствіе.
Tuce, id. l.	туча; блр. tucja.
Vaina (ai — изъ i)	вина, причина.
Verniba и vėrniba	вѣрность.
Virīt, lit. vierà (= вѣра)	вѣрить.
Vnicitis	учиться (сл. вникать).
Zakis, lit. zuikis	заяцъ.
Zastava, т. и гл. ф.	застава.
Zizlis	жезлъ.
Zvans, lit. zvānas	колоколъ:
zvāniti	звонить.
Žerbinš	жеребій.
Žuls	желчь; нл. žolc.
Živati	домашнія животныя; блр. životy.

*) Par šartu — въ шутку; нл. — през šart=шута и пр.

II.

Урало-алтайскія нарѣчія, въ силу недалекаго сосѣдства съ литовцами — съ одной стороны, съ другой — по вліянію, относительному, на складъ ихъ жизни міра славяно-русскаго, по праву историческому своему разсчитываютъ на вниманіе, — изслѣдованіе.

А. Географическая замѣтка.

Западно-финскимъ народомъ, или, иначе — Балтійскими финнами принято называть тѣ племена урало-алтайскаго, или, точнѣе — финско-угрскаго происхожденія, которыя занимаютъ восточные берега Балтійскаго моря, начиная отъ Рижскаго залива. Пространство это граничитъ, по западной сторонѣ, съ Балтійскимъ моремъ и заливомъ Ботническимъ, съ восточной — линіей, проводимой отъ Рижскаго залива, чрезъ южную часть Псковскаго озера, до устья р. Волхова: отъ Волховскаго устья нить пограничная тянется до Онежскаго озера и, наконецъ — до Бѣлаго моря. Сѣверную часть этого пространства занимаютъ лапландцы, пасущіе стада свои на бесплодной равнинѣ и на горахъ трехъ-четырехъ, граничащихъ между собой, государствъ — Норвегіи, Швеціи, Россіи съ ея вѣтвью-княжествомъ Финляндіей. Лапландцы, принадлежащіе Русскому государству и населяющіе, такъ называемый, „Русско-лапландскій полуостровъ“, исповѣдуютъ православную вѣру и не имѣютъ никакихъ литературныхъ памятниковъ на своемъ языкѣ, который, впрочемъ, много отличается отъ языка вышеназванныхъ лапландцевъ. *)

Языкъ лапландцевъ служить соединеніемъ между собственно балтійско-финскимъ народомъ и восточно-финскимъ.

Остальные балтійско-финскіе народы дѣлятся, по своему

*) Всѣхъ финновъ — 20000. См. *Forschungen auf dem Gebiete der Ural-altaischen Sprachen* von dr. August Ahlquist.

діалекту, на двѣ вѣтви; именно — Karjalaiset (корельцы) и Nämälaiset, именуемыя въ русскихъ хроникахъ: Jam (ями), Jäm, Jämen и по-шведски: Tavaster. Karjalaiset'ы населяютъ западную часть Архангельской губерніи, сѣверозападную сторону Олонецкой и почти всю губернію Петербургскую, а также — Новгородскую и Тверскую. *) Nämälaiset'ы (или — Jämen) занимаютъ страны, лежащія въ западномъ направленіи отъ названныхъ мѣстностей. Это — потомки упоминаемыхъ въ лѣт. Несторомъ вессовъ.

Съ которой поры народы эти занимаютъ населенныя ими нынѣ страны, не извѣстно; но весьма возможно признать, или, точнѣе — вѣроятно предположеніе, что появленіе ихъ ведетъ свое начало со времени Рождества Христова.

Которое изъ племенъ арійскаго происхожденія успѣло оказывать свое воздѣйствіе на финновъ, цивилизовать ихъ, — еще и въ настоящее время не вполне определено.

Для рѣшенія этого вопроса существуютъ, правда, историческія записки; но ихъ очень мало; при томъ нельзя положительно ручаться за ихъ достовѣрность: поэтому, остается единственный вѣрный источникъ — языкъ. **)

Б. Фонологія.

Иностранныя слова, переходя въ языкъ финскій и въ западные діалекты его, сильно измѣняются. Такъ, напримѣръ, шведскія имена: Peter, Henrik на финскомъ — Pekka, Heikki и т. п.

Но всѣ подобныя измѣненія производятся по нѣкоторымъ правиламъ, именно: слоги, не составнаго слова могутъ содержать въ себѣ или только твердые гласные: „а“, „о“, „у“, или только мягкіе: „ä“, „ö“, „ü“. И, значитъ, въ двухъ-сложныхъ словахъ слѣдуетъ смотрѣть на второй (отъ конца) слогъ, чтобы узнавать, которые гласные въ финскомъ языкѣ

*) Ол. 30000.

**) Сл. мн. Ив. С. Аксакова, въ письмѣ къ покойному М. О. Кояловичу („Нов. Вр.“, 6097), о пробужденіи заснуващаго духа побалтской литово-финской Руси, — съ показаніемъ различія во взглядѣ на служеніе славяно-русское, въ просвѣтительной миссіи, западной Европы (по письмамъ Ив. С. къ В. Ф. Пуцѣковичу: „Моск. сборн.“ 1887, стр. 24, 27, 34)

(въ финскихъ нарѣчійхъ) будутъ стоять въ послѣдующемъ слогѣ. Такъ, напримѣръ, шведское слово — *väskä* — соответствуетъ вполне финскому — *väskü*.

Въ словахъ трехсложныхъ и вообще — многосложныхъ встрѣчаются нерѣдко твердые и мягкіе гласные вмѣстѣ. Это явленіе слѣдуетъ изъ того, что большая часть словъ многосложныхъ — составныя.

Иностранныя слова, вошедшія въ лексиконъ финскій, не измѣняютъ гласныхъ, хотя, правда, и существуютъ нѣкоторыя выраженія съ измѣненными гласными; такъ, напр., шведск. — *offer* — выговаривается финномъ — *uhri*, гдѣ, по-видимому, „о“ шведскому соответствуетъ „u“ финское и пр.

Но въ народномъ языкѣ, равно и въ болѣе старой рѣчи слова сохраняютъ свои первоначальныя гласныя.

Коренныя гласныя звуки остаются неизмѣнными.

Только „о“ имѣетъ обыкновеніе переходить въ „u“; такъ, напр., шведскія слова — *stock*, *loft* — на финскомъ языкѣ произносятся отчетливо: *tukki*, *luhti*. Часто также гласный — „е“ — германской приставки — „ge“ — переходитъ въ „i“; такъ, шведское слово — *gessäll* (или *gehäng*) звучитъ по-фински: *kisälli* (*kihengi*).

Что касается долготы гласныхъ или ея измѣненія, нужно замѣтить слѣдующее:

а) долгому „а“, употребляемому въ новѣйшемъ шведскомъ языкѣ, соответствуетъ обыкновенное въ финскомъ діалектѣ „ä“ и, наоборотъ, —

б) шведскому „ä“, которое, впрочемъ, произошло изъ „ā“, соответствуетъ финское „ā“ (тоже долгое); такъ, напримѣръ, шведскія слова — *äm* (или *häf*), *käk* — звучатъ по-фински: *aami*, *haavi*, *kaakki*;

в) встрѣчаются при этомъ финскія слова, въ которыхъ шведское „ä“ перешло въ „uo“, — напримѣръ, *mäna* (имя) по-фински: *muona*, также иногда*) — въ „ou“: *plät* — по-фински: *loutu* и т. п.;

*) Очень рѣдкое, впрочемъ, явленіе.

г) шведское „ä“ въ финскомъ языкѣ еще болѣе удлиняется; напр., — läp, häf на финскомъ выражается: lään, jään и т. п.;

д) гласные — „i“, „u“, „y (ii)“ не измѣняются;

е) шведскому „ö“ соответствуетъ въ первомъ слогѣ финское „uo“; напр., — stöl, lod: по-фински — tuoli, luoti;

ж) долгій звукъ — „ö“ — во второмъ слогѣ переходить въ „ui“; напр., diagon — на финскомъ: takuina;

з) шведское „o“ подвергается измѣненію аналогичному; напр., — kök, на финскомъ: kyökki;

и) въ далекихъ (отъ конца) слогахъ финскіе говоры умѣютъ также дифтонгировать „ö“ въ „öi“ (uo);

і) шведскій долгій звукъ — „e“ — въ первомъ слогѣ, по фонологическому закону финскаго діалекта, переходить въ „ei“: въ остальныхъ слогахъ „e“ не удлиняется.

Въ окончаніяхъ шведское „a“ переходитъ въ языкѣ финновъ въ „u“; такъ: kropa, gesa и пр. передаются на финскомъ — kruupu, geissu и т. п.

„J“ соответствуетъ окончанію существительныхъ на „e“, которое, по всей вѣроятности, произошло изъ „i“; такъ, напр., skräddare, по-фински gäätäri.

Въ силу существующаго въ языкѣ финновъ закона, по которому каждое слово должно оканчиваться гласнымъ, **) называемымъ, обыкновенно, въ финскихъ грамматикахъ соединительнымъ гласнымъ, — ко всякому иностранному слову присоединяется гласный „i“; такъ, на примѣръ, lag, по-фински — laki.

Множество старыхъ словъ принимаютъ вмѣсто „i“ гласный — „a“, какъ „соединительный“; на примѣръ, лит. alun, по-фински: aluna.

Что касается согласныхъ — замѣтить слѣдуетъ, что звуки — „b“, „g“, „d“ и „f“ никогда не оканчиваютъ слова:

**) Ср. о томъ же въ фонологіи славянскихъ языковъ: ила и др.

и въ корняхъ, и въ приставкахъ звуки — „b“, „d“ и „g“ переходять въ „p“, „t“ и „k“; такъ, напр., bod звучитъ по-фински ruoti и др.

Переходъ согласнаго „f“ въ „v“ замѣчается весьма рѣдко: только въ нѣкоторыхъ словахъ старыхъ „f“ перешло въ „v“; „f“ обладаетъ способностью измѣняться иногда (тоже очень рѣдко) въ придыхательный — „h“.

Въ окончаніяхъ — „f“ переходитъ, какъ то извѣстно и въ шведскомъ языкѣ, въ „v“.

Двойное „ff“, въ корняхъ и въ окончаніяхъ, переходитъ въ „hv“; такъ, напримѣръ, ruff на языкѣ финновъ является въ формѣ — ruohvi.

Во многихъ урало-алтайскихъ языкахъ существуетъ законъ, по которому приставка не можетъ содержать въ себѣ согласныхъ звуковъ нѣкоторое накопленіе; поэтому, въ большей части приводимыхъ нарѣчій первые согласные выпадаютъ: въ нѣкоторыхъ, правда, приставкахъ первый согласный сохраняется, и выпадаетъ лишь второй. Существуютъ также слова, приставки которыхъ могутъ, какъ сохранять первый и выбрасывать второй, такъ и отбѣкать первый, удерживая второй, — напримѣръ, слово — grop — передается по-фински — guorra и kuorra.

Не лишне, однако, замѣтить, что только корельскій діалектъ строго подчиняется изложенному правилу.

Сочетанія согласныхъ — „gt“ и „kt“ — свободно переходять въ „ht“; такъ, напр., doktor, звучитъ по-фински tohtori, lektor — lehtori, takt — tahti.

И, если двузвучному — „gt“ или „kt“ предшествуетъ согласный „n“, „g“ или „k“, ассимиляция дѣйствуетъ къ конечному „t“; напримѣръ, Bengt (Benedict) — Pennti, punkt — puintti и т. п.

Согласный „g“ имѣетъ обыкновеніе, если ему предлѣдуетъ „h“, переходить въ „u“ (иногда — въ „v“); напр., hagei, pagel (первоначально — hagi, pagl), по-фински: hauli, paula и т. д.

Если передъ „g“ стоитъ „e“, то „g“ переходитъ въ „i“; напримѣръ: *segel*, по-фински — *seili* и пр.

Когда за „g“ слѣдуетъ „n“, то „g“ переходитъ въ „u“: *vagn*, по-фински — *vauni* и др.

Двузвучное сочетаніе — „ng“ — переходитъ въ дифтонгъ: „nk“; напр., *greng*, по-фински — *genki*.

Въ соединеніи: „gd“ — „g“ переходитъ въ „u“; такъ, напримѣръ, *fogde* звучитъ по-фински — *vouti* и пр.

Согласный — „g“, слѣдуя за плавнымъ — „r“, переходитъ обыкновенно, въ корнѣ:

а) — въ „j“, напр., *färga*, по-фински — *värjään*;

б) — въ „v“, напр., *borgare*, по-фински — *rotvari*.

Двойной „g“ („gg“) измѣняется въ финскомъ языкѣ въ консонантъ: „k“; такъ, напр., *brugga*, по-фински — *tyki*.

„De“ или „dde“ видоизмѣняются въ „ti“; напримѣръ, *puddela*, по-фински — *putlaan*.

Въ народномъ языкѣ финскомъ между плавными зв.: „l“, „r“, и „r“ — въ сочетаніи: „lr“ и „nr“ — вставляется окончательный отзвукъ: „ti“; напр., *fänrik*, по-фински — *väntrikki*. Т. н. дифтонгъ плавно-звучный — „nd“ — переходитъ въ отзвучный — „nt“; напр., *stund*, по-фински — *tunti*.

Сочетаніе — „pt“ — нередко переходитъ въ „tt“; напр., *kapten* (*kapiten*), по-фински — *kateeni*; въ окончаніяхъ же — въ „ht“; напр., *resept*, по-фински — *resehti*.

„ft“ перерождается, обыкновенно, въ „ht“; напр., — *saft*, по-фински — *sahti*.

Въ сочетаніи — „fi“ — зв. „f“ замѣняется въ финскомъ языкѣ посредствомъ гл. — „u“ („y“); напр., *tafla*, по-фински передается — *taulu*.

Въ дифтонгѣ — „fr“ зв. „f“ примѣняется къ родственному отзвуку — „h“; напр., *ofr*, по-фински — *uhri*.

Фонема — „fs“ — видоизмѣняетъ предконечный „f“ въ отзвукъ губнаго — „p“; напр., *tofs*, по-фински — *tupsu*.

Удвоенный „f“ („ff“) переходит, обыкновенно, въ „hv“; напр., gaffel, по-фински — kahveli.

То же измѣненіе происходитъ также и съ простымъ (одиночнымъ) „f“: professor — prohvessori.

Соединеніе звука губнаго — „m“ — съ заднеязычнымъ, или гортаннымъ — „k“, фонема — „mk“ — переходитъ въ сочетание — „nk“; напр., jëmka звучитъ на финскомъ — jänkää.

Въ дифтонгахъ — „ml“ и „mr“ — между „m“, съ одной стороны, и „l“ либо „r“ — съ другой, вставляется отзвучный губной — „p“; напримѣръ, kamritis, kamelot: по-фински — kampritsi, kamplotti.

Финскій языкъ не терпитъ соединенія многихъ согласныхъ; поэтому, въ слова съ дифтонгами — для благозвучія — вставляется гласный; напр., hamn — hamina или sämsk — säämyskä, sembla, semla — sämpylä и пр.

Въ окончаніи мужескаго рода плавный — „r“ — нерѣдко видоизмѣняется въ „as“; напр., könungr — künigas, vargr — vargas (vagas) и пр. т. п. *)

Иногда финскія, лапландскія и ливонскія нарѣчія къ слову, начинающемуся гласнымъ, приставляютъ согласный — „v“ или „j“; напр., uuhä, по-литовски — vuohi и т. п. **)

Въ болѣе цивилизованныхъ земляхъ финскій языкъ не терпитъ, на подобіе корельскому диалекту, твердыхъ согласныхъ: „k“ („g“), „t“, „p“ — передъ плавными: „l“ и „r“; потому, замѣняетъ ихъ звукомъ — „u“. Такъ, напр., корельскому — karlas, hapras, äpräs, korra и пр. соответствуютъ финскія — kaulas, hauras, äyräs, koura.

То же правило примѣняется и въ отношеніи къ иностраннымъ словамъ; напр., rutro — рутро.

Нерѣдко иностраннаго происхожденія слова, переходя

*) Впрочемъ, нужно замѣтить, что окончаніе — „as“ — также часто встрѣчается и не въ значеніи флексіи надежной мужескаго рода.

**) Въ лапландскомъ диалектѣ подобныя приставки встрѣчаются особенно часто.

въ языкѣ финскаго народа, теряютъ первый свой слогъ, если на немъ не стоитъ удареніе; такъ, напримѣръ, inspektor, по-фински—pehtori, epaulette—(olka-) poletti; и пр. т. п. Русскія слова: извозчикъ, горохъ и т. п. финнъ передаетъ — vossika, rokka. *)

Бываютъ въ языкѣ финновъ случаи, когда сложные слова теряютъ свою вторую часть, оставляя только первую; напримѣръ, пароходъ — höyrylaiva: сокращенно — höyry. **)

Двусложныя слова подчинены слѣдующимъ измѣненіямъ: соединительный гласный а (ä) переходитъ ***) въ однихъ случаяхъ въ „о“, въ другихъ — въ „і“; звукъ же чистый — „а“ — переходитъ всегда въ „і“.

Относительно примѣняемыхъ письменныхъ знаковъ, отступающихъ отъ буквъ обыкновенныхъ, необходимо замѣтить слѣдующее:

- а) гласный звукъ — „і“ — произносится, какъ русское и;
- б) „о“ обозначаетъ зв. срединный между „и“ и „о“;
- в) согласный „s“ выговаривается, какъ русское „ш“;
- г) зв. „t“ читается, какъ р. „ч“;
- д) „ž“ произносится, какъ р. „ж“;
- е) „z“ соответствуетъ р. „з“ (или нѣм. мягкому „s“);
- ж) зв. „h“ однозвученъ р. „х“;
- з) g читается, какъ р. „к“;
- и) „p“ есть „носовое“ = „н“;
- к) „t“ звучитъ срединно между „g“ и „t“;
- л) буквы — „d“, „l“, „p“, „t“, „s“, „t“ — изображаютъ звуки: „d“, „l“, „n“, „r“, „s“, „t“, смягченныя призывомъ — „і“.

Въ угрскихъ (вогуло-остяцкихъ) словахъ буквою „w“ изображаютъ звукъ, соответствующій английскому „w“.

*) Пронз. vossika, rok(h)a.

**) Объясн. накл. выраженія; ср., напр., народн. — Лександръ, лебастръ, и пр., нм. — Александръ, алебастръ...

***) Ср. переходъ, или измѣненіе во мн. ч., предъ гласн. „і“.

В. Б Ы Т Ь.

„Человѣческаго рода древнѣйшая исторія покоится на подобіе его языка: и только изслѣдованіе тщательное языка въ состояніи бываетъ бросить лучи свѣта на нее.“

Я. Гриммъ. *)

И въ настоящее время еще съ трудомъ поддается разработкѣ почва болотистаго сѣвернаго европейскаго міра.

Нѣкогда охота и рыбная ловля составляли единственныя источники пропитанія народовъ, населяющихъ эти мѣстности — неприютныя и угрюмыя.

У самыхъ сѣверныхъ поморовъ можно встрѣтить изъ домашнихъ животныхъ однѣхъ лишь собакъ. А у береговъ океана встрѣчаются также и олени сѣверные. И только болѣе южныя финны имѣютъ возможность владѣть лошадьми и коровами.

Подробное изслѣдованіе названій этихъ животныхъ подтверждаетъ предположеніе, что финны, благодаря только извѣстнымъ арійскимъ племенамъ, узнали о большой пользѣ, какую приносятъ имъ теперь лошади съ коровою и, главнымъ образомъ, сѣверный олень съ подругой — собакою.

Вѣрнѣйшій спутникъ охотника иномада, какъ свидѣтельствуютъ исторіи всѣхъ временъ и народовъ, — собака. Въ финскомъ языкѣ она имѣетъ много названій, самое обыкновенное изъ которыхъ — *peni*, въ современной рѣчи сохраняемое лишь въ формѣ уменьшительной — *penikā* (собачка).**)

Этому имени соответствуетъ восточное слово — *peni*,

*) Dr. Aug. Ahlquist, cap. I: Viesucht.

**) Слово — *penikka* — родственно имени — *pentu* = щенокъ собаки или волка, также — *линецы*.

у ливовъ — ріі; на діалектѣ же лапландскомъ оно звучитъ — боен, мордва произноситъ — ріне или ріпă, черемисы говорятъ — рі, въ рѣчи вотяка слышится — ріпи, у зырянъ стяженное — роп, у венгровъ видоизмѣненное (съ перестановкой гласнаго) — еб, у вогуловъ и остяковъ (съ согласнымъ вставнымъ) — âпр и оâпр.

Другое названіе для собаки существуетъ у эстовъ — kut's и kut'sik, у ливовъ (съ конечнымъ гласнымъ i) — kut'ski, которое соответствуетъ имени — kuta — у вотяковъ и венгерскому — kutya.

Слово это, по всей вѣроятности, арійскаго происхожденія.

Оно встрѣчается и въ русскомъ языкѣ — въ формѣ уменьшительной: кут-ёнокъ (kut'jónok А.), и у литовцевъ — kutsa (сука) и kutsens.

Оттуда и произошло слово — hurtta, эстонское — hurt, ливское — kūrta (лягавая или гоцкая собака), оригиналомъ которыхъ нельзя не признать русское слово — хорть (hort), литовское — kurtas, lett'ское — kurts.

Самое употребительное имя, или названіе для собаки, какъ дружественнѣйшаго въ отношеніи къ человеку животнаго, встрѣчается также и въ языкахъ-нарѣчіяхъ эстовъ, вотяковъ и вепсовъ.

Имя — koiga — обличается, кажется, съ таковымъ въ словарѣ остяковъ: hõgmas (самецъ), которое, кстати замѣтить, часто весьма встрѣчается въ соединеніи и съ другими названіями животныхъ; такъ, напр. hõg-âпр. и т. п.

Можетъ быть, слово-это, финское вначалѣ, служило также первою составною частью сложнаго имени — koiga-repi, которое, въ такомъ случаѣ, вполне соответствовало бы остяческому — hõg-âпр. Не невѣроятнѣе, видимо, сужденіе, что вторая часть этого слова могла выпасть, *) а первая составная сохранила значеніе полного сложнаго слова. Можетъ быть, именомъ этимъ обозначали сначала различіе нѣкоторое отъ названія — репі, которое значило: 1) „собака“ (вообще = песь) или 2) — „собака“, которой пользовались для цѣлей охотничьихъ.

*) Случай, свойственный финскому языку: см. отд. фонологически. я.

Слово это, можно думать, и на языкѣ финскомъ обозначало самца: доказательствомъ является то обстоятельство, что имъ прилагательное, образованное отъ разобраемаго имени, въ соединеніи съ названіями различныхъ животныхъ, определенное имѣетъ значеніе; такъ, напримеръ, *koirassusi* обозначаетъ волка-самца и пр.

Отъ имени *—, собака* — естественнымъ можетъ быть названъ переходъ къ рассмотрѣнію слова, обозначающаго скотъ.

Nauta называетъ скотъ вообще, безъ различія пола.

Оригиналомъ этого имени послужило древнесѣверное названіе скота — *paui*, которое, по общему правилу фонологіи скандинавскихъ нарѣчій, перешло въ нынѣшнее *pöi* (*Nöi**)

Въ некоторыхъ мѣстностяхъ слово это употребляется и въ первоначальномъ своемъ значеніи.

Имя — *gaavas* — также встрѣчается, какъ названіе скота; но, главнымъ образомъ, оно имѣетъ значеніе скота, определеннаго на убой. Значеніе этого слова, какъ въ сѣверно-финскомъ, такъ и въ русско-корельскомъ, такъ называемомъ, весьма просто — старый.

Этотъ случай, полагають, основывается на томъ, главнымъ образомъ, что народъ употребляетъ, большею частью, на убой скотину старую, непригодную въ работахъ.

Въ языкѣ финновъ, равно какъ и въ другихъ діалектахъ урало-алтайской группы, существуетъ множество отдѣльных словъ — для обозначенія различія пола животныхъ и его молодыхъ. Такъ, вола финны именуютъ — *härkä*, быка — *sonni*; у эстовъ постоянно встрѣчаются слова: *härg*, *soni* или *sönn*; финск. *vasa* или *vasika* (теленокъ), у эстовъ — *vasik* или *vasikas* и пр.

Лапландское слово — *nulli* — произошло изъ шведскаго — *mulle*, которому соответствуетъ англійское — *bull* и слово славянское — волъ, быкъ. **)

*) Ср. (по Ahlquist'y) Rietz, *Svenskt Dialekt-Lexikon*, p. 468.

**) Ibid. cp. R. p. 447: *Jonson, Oldnordisk Ordbog*, S. 65 и такъ же — *das einfache Puodukt der Kuh*.

Произведение коровы — молоко — имѣеть во всѣхъ финскихъ нарѣчіяхъ, исключая лишь вѣтви лэпландцевъ и остяковъ, различные названія.

По-лапландски молоко имѣется — *mielke*, лэповое слово, взято у скандинавовъ. Остяти называютъ молоко сложнымъ именемъ: *ēsem-jünk*. Буквальное значеніе его — грудная вода. Это явленіе обусловливается тѣмъ, что остяки, лишь въ последнее время научены русскими доить сѣверныхъ оленей.

Самыя обыкновенныя названія, для молока у финновъ — *maid* и *piimä*, также, рядомъ — *rieska* — *maid*, *riesk-piim* или только — *rieska*.

Lohngröt's долагаетъ, что слово — *riesk* — произошло изъ языка шведскаго. *) Это предположеніе подтверждается и тѣмъ обстоятельствомъ, что въ Калевалѣ **) слово — *riesk* — встрѣчается въ значеніи: молодой, свѣжій (ранній). Въ мордовскомъ или мордовскомъ языкѣ молоко называется словомъ — *lofsta* или *lovsu*. Отъ этого имени образовался въ финскомъ лексиконѣ глаголъ — *lursän* ***)

Не подлежитъ, очевидно, никакому сомнѣнію, что финское слово — *lursän* ****) — образовано аналогично съ шведскимъ — *mjölka* — и нѣмецкимъ: *melken*.

И для лошади, какъ для скота вообще, взято названіе — *hepo*, *hevonem* — изъ языковъ индоевропейскихъ.

Но не слѣдуетъ, вторя прежнимъ изслѣдователямъ, принимать греческое *ἵπλος* за основаніе финскому *hepo*. Гораздо ближе стоитъ къ нему шведское *härpa*, *härä*, которое вообще употребляется въ южной Швеціи со значеніемъ — кобылица ****), равно и датское *hørre* (= *hørre* — въ томъ же самомъ значеніи.

*) Сл. *frisk*, что обозначаетъ понятіе — свѣжій.

Ср. нѣм. *frisch* — свѣжій, новый, холодный.

**) 26: 198.

***). Ср. нѣм. *melken* — доить.

****) Равно какъ и названіе молока — *lursän*.

*****) Id. Rietz, S. 278.

Болѣ всего, приближается, къ этой формѣ эстонское — *hohe*, которое опять, въ другомъ диалектѣ, приближается своей формой — *hebo* — къ финскому: „*hebo*“.

И въ финскомъ языкѣ это слово имѣло въ прежнія, по крайней мѣрѣ, времена, отчасти, то же значеніе, какое выражаютъ и выше разобранныя: въ переводѣ „*Landslag*“ *Ljung*’омъ *Thomassons*’омъ *) встрѣчается оно въ значеніи — кобылица; ласкательное же — *hevonen*, напротивъ, означаетъ имя — жеребчикъ.

Еще и въ нынѣшнее время слово — *hebo* — встрѣчается въ вепскомъ нарѣчій также со значеніемъ — кобылица **).

Съ этой стороны, языкъ финскій не имѣлъ надобности пользоваться словомъ, взятымъ изъ другихъ языковъ, такъ какъ онъ имѣетъ самъ свои особенности, которыми и можетъ пользоваться, давая собственные названія для обоюго пола животнаго.

Такъ, на примѣръ, финское имя — *tamma* (кобылица), *ori* или *oris*, *orit* (жеребецъ), — эстонское: *täk*, вепское: *ube*, вотяцкое: *jaati* — жеребедъ, — дивонское: *kev* *** — кобылица, *iga* — жеребецъ (и жеребенокъ).

Но это заимствованное слово сдѣлалось общимъ названіемъ для подобнаго рода животныхъ.

Холощенная лошадь не имѣетъ въ языкѣ финновъ никакого названія. Оно и понятно. Этотъ способъ истребленія животнаго вошелъ въ употребленіе у финновъ только въ позднѣйшее время отъ сосѣднихъ народовъ, усильшихъ на полѣ оплодотворенія сѣменами цивилизации.

*) Это изложеніе законовъ есть провинціальное право короля Христофера; другое, подобное этому, есть „*Stadslag*“ — городское право. Оба имѣли силу, какъ въ Шведіи, такъ и въ Финляндіи до тѣхъ поръ, пока не былъ введенъ полный сводъ законовъ (въ 1734 г.); оба были переведены въ концѣ XVI столѣтія на финскій языкъ священникомъ, весьма даровитымъ и оч. сильнымъ въ свое время, — *Ljung*’омъ *Thomassons*’омъ. Чит. примѣч. Ahlquist’a, стр. 9—10.

**) По всей вѣроятности, славянское слово — кобыла — того же самаго происхожденія, какъ и вышеупомянутыя названія.

***) Ср. литовск. — *kavė*.

Названія для мерина суть: *valakka*, общеупотребительное въ западной и южной Финляндіи, и *ruuna*, употребляемое, главнымъ образомъ, внутри Карельской области.

Первое слово есть германское — *vaflask*, *Wallach*, происхождение котораго, по всей вѣроятности, можно найти въ названіи народа Валахій.

Такимъ же образомъ французское *hongre* (меринъ) произошло, вѣроятно, изъ *Hongrie* *).

Оба же названія указываютъ на то, что обычай скопить лошадей ведетъ свое начало отъ народовъ восточныхъ или, по меньшей мѣрѣ, — на то, что люди, посвященные въ это искусство, принадлежали къ національностямъ восточнымъ.

Въ древнемъ сѣверно-нѣмецкомъ нарѣчій встрѣчаются для выраженія этого понятія также слова германскаго происхожденія: *gaup* — меринъ, каковое имя тѣсно связано съ древне-сѣверно-нѣмецкимъ глаголомъ — *gauep* **), означающимъ — рѣзать, врѣзывать и т. п.

Въ сѣверныхъ нарѣчіяхъ существовало слово — *runi* — въ значеніи — холощенный кабанъ; и это самое слово встрѣчается въ вышеупомянутомъ кодексѣ провинціального права, гдѣ *Lossenius* переводитъ его на латинскій языкъ чрезъ *caballus* (меринъ) и *Ljung Tomassons* — на финскій: *ruuna*.

Въ нѣмецкомъ переводѣ этого свода законовъ сл. — *runi* передано словомъ: кабанъ, *Ihre* и *Schlyter* переводятъ его также именемъ — *verres*.

Слѣдовательно, слово — *runi*, или, вѣрнѣе — значеніе *runi* можетъ подлежать сомнѣнію: хотя и *Lossenius*, и *Ljung Tomasson* ошибались немного, все же ошибка ихъ показываетъ намъ, что значеніе стараго сѣверно-нѣмецкаго слова — *gaup* (меринъ) — не было не знакомо или не употребляемо въ болѣе старомъ шведскомъ нарѣчій для соответствующаго — *runi*.

Но, если и предположить, что это древне-сѣверное слово

*) У ливовъ кастраторъ носитъ названіе — *ungbt* или *ungbts*: слово которое, какъ видно, указываетъ на мѣсто происхожденія этого занятія, отъ котораго и нежное сердце содрогается, — на земли при Дунаѣ.

**) Сл. новое съ древне-нѣм. — *runep*.

не имѣло значенія упомянутого, при всемъ томъ мы имѣемъ въ литовскихъ словахъ гл. rūnit *), которое еще и теперь употребляется, — оригиналъ для финск. guupa.

Къ слову, что называется, не лишне замѣтить и нѣкоторое этико-лингвистическое соотношеніе разбираемаго между верхнимъ (лѣвымъ) и нижнимъ (пріуральскимъ) наклономъ алтайской вѣтви **).

У черемисовъ имя мерина извѣстно подъ названіемъ — alaša, а у вотяковъ: uloša, каковое слово явственно весьма послушествуетъ о заимствованіи изъ языка татарскаго — alaša***); у вогуловъ и остяковъ merin — простое заимствование изъ народнаго словаря языка русскаго.

То же сужденіе явствуетъ и въ отношеніи къ поименованію быта земледѣльческаго, промысла, многообразнаго, ремесла, — названію жилищъ, домашняго скарба, равно и мореплаванія, характеристики гражданскаго (мѣщанскаго) собранія и пр. т. п.

*) Id. lat: „equum castrare“.

**) Извѣстно не малое количество словъ и въ отечественной рѣчи, не оставляющихъ никакого сомнѣнія въ смыслѣ воздѣйствія на способъ выраженія русскаго человѣка со стороны, напр., татарства: баба, башка, баштанъ, казанъ, капуста и пр. Сл. мн. повѣрья, суевѣрья... И это-то взаимовоздѣйствіе различныхъ народностей, составляющихъ многочисленное населеніе государства, сообщаетъ послѣднему великую внутреннимъ значеніемъ силу, выросшую изъ земскихъ и политическихъ отношеній, внушительную и внѣшнимъ единствомъ, — силу, безъ посредства актовъ дипломатическихъ служащую здравосмыслицамъ соревнованіемъ, подъ стягомъ Самодержавія, въ дѣлѣ общаго преуспѣванія. И, значитъ, русская земля не представляетъ собою случайнаго соединенія пространствъ и народовъ, безъ внутренняго ладу и складу: она являетъ собой организмъ живой, созданный исторіей и народнымъ характеромъ — съ потребной міровою матеріей и силой, съ своимъ внутреннимъ распорядкомъ.

Сл. различіе въ жизни отдѣльныхъ областей, напримѣръ, Австріи „Славянск. ежегодн.“ Н. Задерацкаго, 1878, I.

Ср. роль современнаго волапука. Сношенія порождаютъ и заимствования. Истина, которая, впрочемъ, въ пересолѣ являетъ убійственнымъ пародію на самыя цѣлѣвѣстныя мѣста родной рѣчи: „... мм, гг.! Позвольте мнѣ въ импорціальной формѣ резюмировать индивидуальность и конкретность пауперизма въ его ассеквенціи за аномальностью идей цивилизованныхъ расъ и цинизмовъ принциповъ, мистифируя авторитетъ амплитомовъ парадоксальной иллюзии, парализуя ресурсы...“.

***) Id. comp. Wallach.

П. БРАКЕНГЕЙМЪ. УНИФОРМИРОВАНІЕ.

6)

ПРИЛОЖЕНІЕ

Исторія не помнитъ единства языка и народа, потомки котораго являются на ея страницахъ разселенными уже по всему земному шару и говорящими на разныхъ языкахъ и нарѣчіяхъ. Всевозможныя повѣствованія о ростѣ человѣческой жизни не рождаютъ ни тѣни преданія объ образованіи языка. Наука предполагаетъ, что онъ возникъ путемъ естественнымъ и состоялъ вначалѣ изъ ограниченного весьма числа корней — для выраженія самаго тѣснаго круга понятій первобытнаго племени вселенной, ознакомленіе съ которой вѣтрялось времени. Единая нѣкогда семья человѣческая въ теченіе довольно продолжительнаго періода, уходящаго за горизонтомъ историческаго бытія, успѣла сильно размножиться и разойтись по всему лицу необятной земли, раснавшись на отдѣльные племена и народности. Естественно, что каждая отдѣльная племенная вѣтвь стала говорить своимъ языкомъ, отличнымъ отъ собратней. Причины неудовимыя въ дѣлѣ окаменѣнія древнѣйшихъ и рожденія — оплодотворенія языковъ имѣли всюду и всегда одинъ и тѣ же: худосочіе, старческая немощь — съ одной стороны, съ другой — новыя повсемѣстныя условія климатическія, почвенныя, географическія, бытовыя и ин. др. сильно вліяють на выработку новаго съ предварительнымъ измѣненіемъ стараго — первоначальнаго.

Грамматика отвѣчаетъ на вопросъ о научномъ значеніи тысячелѣтнаго брата — языка славянскаго: „съ появленія первой славянской рукописи, перваго разумнаго употребленія письма, славяне вступали въ число христіанскихъ народовъ цивилизующейся Европы, приобрѣтали оружіе для обезпеченія себя своего будущаго“ *). — и въ то же время стали воздѣйствовать на духовное развитіе собратовъ литовца.

А. А. Кочубинскій: лекціи — „Обозрѣніе славянскихъ нарѣчій“ — ж. 2 ч., 1878-9 г.

Языки индо-европейского *) семейства распадутся на два отряда: а) южный (древнѣйшій) и б) сѣверный (позднѣйшій).

Къ южному дѣленію относятся классы — индійскій и иранскій: первый титулуется языкомъ дѣдомъ диалектовъ нынѣшней Индіи, развившихся на основѣ санскрита, древнѣйшіе памятники котораго сохранены въ священныя книги индійцевъ — Ведахъ (составляющихъ краеугольный камень Браманской религіи и восходящихъ до XV ст. предъ Р. Хр.); второй — обнимаетъ нарѣчія Персія, Афганистана, Курдистана, Вухары, Арменіи и Осетіи, развившихся на основѣ Zendской, на которой написана Zendavesta — священная книга послѣдователей Зороастра, жившаго еще задолго до временъ Кира. Къ сѣверному отряду индо-европейскаго семейства относятся: а) кельтскій классъ, къ которому теперь относятся диалекты Валлиса, Бретани, Шотландіи, Ирландіи и острова Мена **); б) италійскій классъ, возникшій на основѣ диалектовъ древней Италіи — латинскаго, осекскаго и умбрскаго ***); в) эллинскій, подраздѣляющійся на древне- и ново-греческій яз.; г) германскій классъ (или тевтонскій), подраздѣляющійся на двѣ вѣтви — германскую (въ тѣсномъ смыслѣ) и скандинавскую ****); д) литово-славянскій классъ, раз-

*) Конечно, и не-арійскаго начала народности могли, какъ свидѣтельствуя словари живыхъ и почившихъ царствъ, вліять на лексическую сторону той или иной вѣтви; такъ, не слабо воедѣйствовали въ свое время семьи семитскіе (яз. арабскій, еврейскій, арамейскій съ халдѣйскимъ и сирійскимъ) и туранская (яз. тунгузскій, монгольскій, тюркскій, самоѣдскій, финскій и пр.).

**) Въ нынѣшнюю пору кельты не пользуются политическою самостоятельностью; но въ древнѣйшія времена вся Галлія, Бельгія и Британія были кельтскія владѣнія: сѣверная Италія населялась ими же — преимушественно.

***). Новыя языки, возникшіе на основѣ италійскаго діалекта, называются романскими: португальскій, испанскій, французскій, итальянскій, румынскій (валашскій) и рето-романскій.

****) А. Собственно-германская вѣть даетъ два отрѣзка — верхне-нѣмецкій (изъ литературы: баварскій, швабскій, австрійскій, франкскій — вдоль Майна; саксонскій и др.; сюда же примыкаетъ умершій въ IX ст. языкъ готскій, на который была переведена Библія еп. Ульфиллоу, род. 311 г.) и нижне-германскій — съ діалектами сѣверной, или низменной Германіи (Plattddeutsch): для литературныхъ цѣлей не употребляется.

росшіеся въ два вѣтвистыя древа — литовское и славянское съ ихъ этнографическими сѣченіями на вѣточки *).

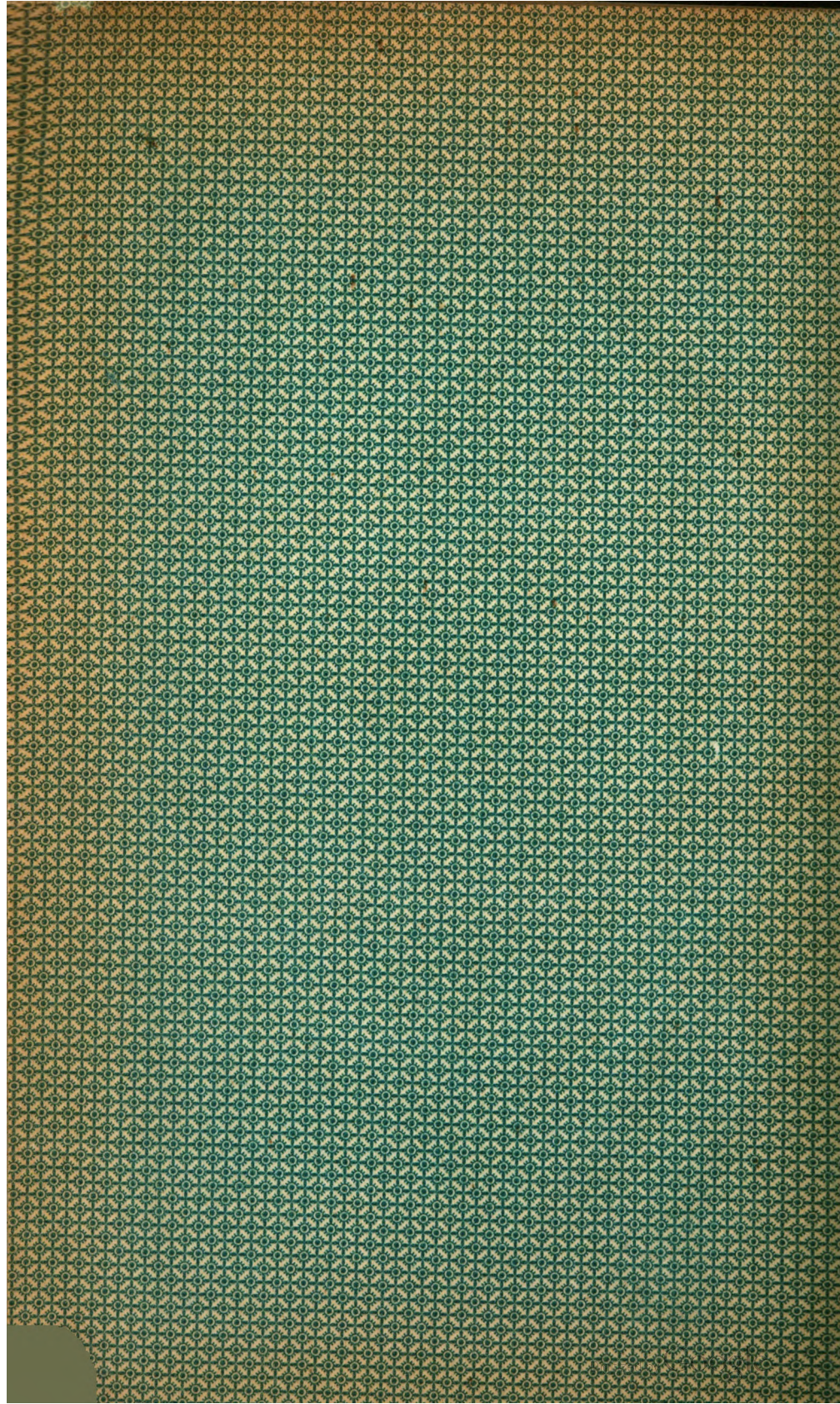
Славянское племѣ, какъ видно, самое многочисленное въ семьѣ арійской и занимаютъ огромное пространство земли. Съ незапамятныхъ временъ пришли они изъ Азіи въ Европу и посѣли на всей восточной ея части. Ихъ владѣнія простирались отъ моря Балтійскаго до Чернаго и Адриатическаго и отъ Волги до Лабы (Дальбы). Сначала они говорили на одномъ языкѣ, разумѣется, составляя одно великое племѣ; съ теченіемъ времени, подъ вліяніемъ многообразныхъ обстоятельствъ и въ силу своей разбросанности по огромному пространству — по причинѣ разнообразія климатовъ занимаемыхъ ими земель, вследствие воздѣйствія равнохарактерности другихъ народовъ, съ которыми приходилось сталкиваться — они и успѣли выработать отдѣльные свои особенности по нарѣчіямъ, въ совокупности благотворно влія на углубившагося въ дебри лѣсовъ ближайшаго собрата, который, въ силу долгаго сожителства, одинъ, выстѣ съ славянскимъ представительствомъ, въ замѣчательной чистотѣ сохранилъ древній строй, ближе др. европейскихъ языковъ стоя къ санскритскому, красуясь въ сравнительной грамматикѣ.

сюда же относится и англійская вѣточка съ вымершимъ англо-саксонскимъ нарѣчіемъ, также голландская — съ нарѣчіями жителей Фрисландіи (С. В. Нидерландіи).

В) Къ скандинавской вѣтви относятся три отпрыска: датскій, шведскій и исландскій (съ многими мѣстными нарѣчіями въ замкнутыхъ долинахъ и фіордахъ Норвегіи: литературный языкъ — датскій).

*) А. Литовскую вѣтвь составляютъ яз.: а) литовскій (въ тѣсномъ смыслѣ: на с. з.), б) латышскій (въ Лифляндіи и Курляндіи) и древне-прусскій, умершій въ XVII ст.

Б. Славянское древо даетъ вѣтви сѣверо-западную и юго-восточную: въ первой относятся языки польскій, пораженный между тремя государствами, — чешскій, дающій три отпрыска (с. чешскій — въ Богеміи, моравскій — въ Моравіи, словацкій — въ з. Венгріи), — лужицкій: верхне-луж. и нижне-луж.; юго-восточную вѣтвь составляютъ языки — русскій, болгарскій и сербскій: послѣдній дѣлится на нарѣчія — с. сербское (Сербія, Черногорія, Боснія, Герцеговина, Кроація, Далмація, Славонія, Истрія, Военная граница, Баната и др.), хорватское, или ироатское (Хорватія, ч. з. Венгріи), хорутанское, или словинское, (Штирія, Каринтія, Крайна и др.); болгарскій — въ мѣстѣ др. славянъ; р. вѣтвь составила изъ трехъ вѣточекъ — великорусской (главнѣйшей), малорусской и бѣлорусской

W-1